АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
КИРГИЗСКОЙ ССР

К 09
К43.

ТРУДЫ КИРГИЗСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

II

Под редакцией
Г. Ф. ДЕБЕЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1959

С. М. АБРАМЗОН

КИРГИЗСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1947 г. Институт этнографии АН СССР на совместных началах с Институтом языка, литературы и истории и Музеем национальной культуры Киргизского филиала АН СССР [1] организовал поездку в Наукатский район Ошской области Киргизской ССР [2]. В этом районе проживало в течение некоторого времени несколько групп так называемых «откочевщиков» — выходцев из соседней провинции Синьцзян, тогда еще гоминьдановского Китая. Спасаясь от террора гоминьдановцев, эти группы перекочевали на территорию СССР вместе со своим скотом и домашним скарбом. Им была предоставлена возможность поселиться в высокогорной долине Кичик-алай с прилегающим к ней небольшим урочищем Кош-мойнок и в расположенной к северу от собственно Кичик-алая боковой долине Чогом.

Часть «откочевщиков» состояла из уроженцев Ошской области, временно проживавших с начала 30-х годов на территории Синьцзяна. Другая их часть (около 40 хозяйств) принадлежала к коренным жителям Кашгарского округа Синьцзяна.

В результате этой поездки были собраны некоторые данные, характеризующие отдельные стороны быта самих «откочевщиков» и их собратьев, проживающих в Синьцзяне, а также сведения о расселении и племенном составе киргизского населения южной части Синьцзяна. Кроме того, по поручению Музея национальной культуры было приобретено около 90 предметов, относящихся к материальной культуре и изобразительному искусству обследованных групп [3].

В 1953 г. Этнографический отряд Киргизской комплексной экспедиции АН СССР и Киргизского филиала АН СССР обследовал группу киргизов — выходцев из северной части провинции Синьцзян [4]. Эта группа, перекочевавшая на территорию СССР накануне установления в Китае народной власти, проживала на территории Чолпонского района Тянь-Шаньской области Киргизской ССР. Бо́льшая часть хозяйств этой

---

[1] Ныне Академия наук Киргизской ССР.

[2] В поездке, продолжавшейся около месяца, приняли участие автор этой статьи и студент К. Курманов.

[3] Предварительные данные о быте этих групп опубликованы в статье С. М. Абрамзон. Этнографические экспедиции в Киргизской ССР в 1946—1947 гг. «Изв. Всесоюзного Географического общества», т. 80, вып. 4, 1948.

[4] Эта группа относит себя к нескольким подразделениям племени Черик.

В обследовании, кроме автора статьи, приняли участие научный сотрудник Ин-та этнографии Е. И. Махова и аспирант Киргизского филиала АН СССР К. Дыйканов.

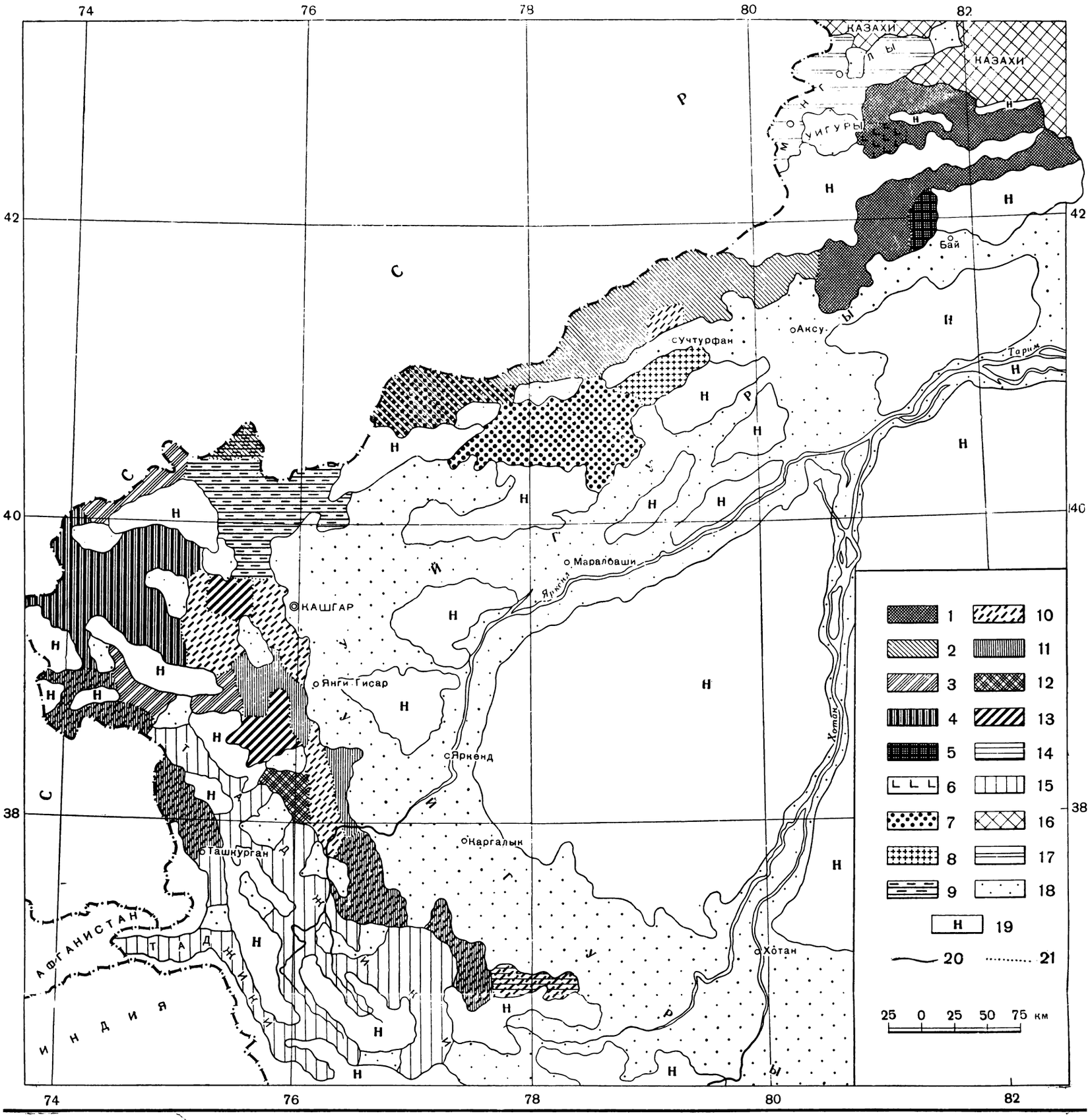

Рис. 1. Родо-племенной состав киргизов Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики:

1 — Бугу; *2* — Черик; *3* — Адигине; *4* — Мунгуш; *5* — Сары-Багыш; *6* — Солто; *7* — Кутчу; *8* — Мундуз; *9* — Чон-Багыш; *10* — Кыпчак; *11* — Найман; *12* — Кесек; *13* — Теит; *14* — Бостон; *15* — таджики; *16* — казахи; *17* — монголы; *18* — уйгуры; *19* — незаселенные территории; *20* — границы между народами; *21* — границы между киргизскими племенами

группы вступила в колхоз «Коммунизм». Во время кратковременного обследования были описаны жилища, домашнее убранство, одежда, пища и утварь, собраны некоторые сведения о семейных обычаях и о расселении киргизов в северной части Синьцзяна. Подобного рода сведения о расселении различных групп киргизов на территории Синьцзяна собирались в процессе работы Этнографического отряда Киргизской экспедиции и в других районах северной и южной Киргизии в 1953—1955 гг.

Настоящая статья суммирует результаты обследования двух групп выходцев из Синьцзяна, а также полученные во время обследования расспросные сведения и имеет целью дать общее представление об этнографических особенностях киргизского населения самой западной провинции Китайской Народной Республики, недавно преобразованной в Синьцзян-Уйгурскую автономную область.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ[5]

Киргизы представляют одну из 13 национальностей, проживающих в Синьцзян-Уйгурской автономной области. Они населяют широкую горную полосу, простирающуюся вдоль хребтов Тянь-Шаня, Памиро-Алайской горной системы и отчасти Куэнь-луня, а также ряд селений в оазисах, особенно между городами Кашгаром и Яркендом (рис. 1).

Главная часть населяемой киргизами территории охватывает южную часть Синьцзяна как бы полукольцом, от меридиана г. Куча на севере до р. Каракаш на юге.

Киргизы проживают главным образом в Кашгарском (Каши) и Аксуйском (Аксу) округах Синьцзяна и в меньшем количестве в Илийском (Или) и Хотанском (Хэтянь) округах[6]. В Кашгарском округе насчитывается до 40—42 тыс. человек, в Аксуйском — до 20—25 тыс., в Илийском — до 7—7,5 тыс., в Хотанском — до 500 человек.

---

[5] Приводимые ниже данные о численности и расселении киргизов в Синьцзяне получены расспросным путем.

Основные данные получены от следующих лиц:

Акимбек Шерипбеков, 34 года, группа Тогуз-кыпчак, выходец из местности Чумбус, Кашгарского округа Синьцзяна; Джолборс-кары Махмудов, 32 года, группа Тогуз-кыпчак, выходец из местности Чумбус, Кашгарского округа Синьцзяна; Муса Асанов, 50 лет, группа Джоош, выходец из местности Сакал, Кашгарского округа Синьцзяна; Осмон Чуреков, 63 года, группа Черик, выходец из местности Кара-булак, Аксуйского округа Синьцзяна; Абдыкалык Эсенаманов, 58 лет, группа Монголдор, сел. Чолок-кайын, Конорчокского сельсовета, Акталинского района, Тянь-Шаньской области (колхозник); Джумабай Качыбеков, 62 года, группа Черик, колхоз им. Калинина, Атбашинского района, Тянь-Шаньской области (колхозник); Курмангалий Байбеков, 78 лет, группа Мундуз, сел. Мундуз, Акдюбинского сельсовета, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области (учитель); Кокумалы Тостоков, 77 лет, группа Мундуз, сел. Мундуз, Акдюбинского сельсовета, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области (колхозник); Сагымбай Мангытов, 66 лет, группа Бугу (Белек), с. Шалба, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области (колхозник); Султан Суранчиев, 70 лет, группа Дөөлөс, сел. Ангөстөн, Акдюбинского сельсовета, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области (колхозник); Ыбрай Джангыбаев, 68 лет, группа Дөөлөс, сел. Ангөстөн, Акдюбинского сельсовета, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области (колхозник); Кыдырбек Айтбаев, 57 лет, группа Бугу (Арык), сел. Ак-булун, Ново-Вознесеновского района, Иссык-Кульской области; Бердалы Токтобаев, 85 лет, группа Черик, сел. Джеты-Огуз, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области; Омуралы Байчериков (Узун-молдо), 90 лет, группа Адигине, сел. Джеты-Огуз, Джеты-Огузского района, Иссык-Кульской области; Мурзалы Мадраимов, 72 года, группа Теит, сел. Кашкалдак, Наукатского района, Ошской обл.; Илепес Сеитов, 82 года, группа Сары багыш, сел. Туз, Чолпонского района, Тянь-Шаньской области.

[6] Административное деление указывается по данным, относящимся к 1940-м годам.

По данным последней переписи, проведенной в 1953 г., в КНР проживает 71 тыс. киргизов [7]. Подавляющее их большинство проживает на территории Синьцзяна.

За последнее столетие в расселении киргизов Синьцзяна произошли крупные перемены, вызванные социально-экономическими причинами и прежде всего углублением классового расслоения в среде киргизского населения. В результате обнищания трудящихся масс значительное число киргизских хозяйств от занятия скотоводством перешло к занятию земледелием, что в свою очередь обусловило переселение их из горных районов и оседание в оазисах.

В настоящее время земледелие составляет основное занятие большой группы киргизов, проживающих смешанно с уйгурами в двух десятках селений («кент») между городами Кашгаром и Янги-Гиссаром и частично к югу от последнего, а также в некоторых других местах. В отдельных кентах киргизы уже давно не отличаются от уйгуров, употребляют их язык; среди стариков лишь сохранились воспоминания о том, что их предки были киргизами (кенты Эгиз-джар, Джангы-джер, Лайвулак, Тёмён-ойлу). Живущие в остальных селениях в значительной мере восприняли от уйгуров домашний быт, но сохранили родной язык, который употребляют наряду с уйгурским. С горными киргизами они поддерживают связи, в том числе брачные; в свадебных, погребальных и некоторых других семейных обрядах, в обычае гостеприимства сохраняют киргизские традиции. Занимаясь земледелием, многие из оседлых киргизов в то же время разводят скот. Члены их семей переселяются летом на горные пастбища, куда перегоняют на выпас принадлежащий им скот. Наиболее крупные группы киргизов живут в кентах Пааараш (500 хозяйств), Эгиз-джар (350 хозяйств), Джыгач-аяк (280 хозяйств), Кос-ала и Беш-камыш (350 хозяйств) и др. Всего оседлых киргизов насчитывается около 2700 хозяйств [8].

Среди основной массы киргизского населения Синьцзяна до сих пор еще живы представления о былом родо-племенном устройстве и сохраняется деление на племенные и родовые группы [9]. Самой крупной из групп, проживающих в Кашгарском оазисе, является группа Кыпчак. К кыпчакам принадлежит большинство оседлого киргизского населения и до 750 хозяйств из числа кочевого и полукочевого населения, проживающего к западу от г. Кашгара в горных местностях Айыгарт, Арча-бель, Чимген, Бостон-терек и к югу от г. Янги-Гиссара в местностях Чумбус, Кенкол, Чаарлын, Ордолун, Кароол, Гыджек и др. [10]. Следующей значительной группой является Найман (около 700 хозяйств).

---

[7] С. И. Брук. Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики. «Советская этнография», 1958, № 1, стр. 77.

[8] Следует отметить, что живущие по соседству с киргизами в горной местности Сугурлук около 200 семейств таглыков (народность, резко отличающаяся от киргизов своим европеоидным типом, говорящая на языке, занимающем промежуточное место между уйгурским и киргизским) во время одного из опросов в 40-х годах назвали себя киргизами. По своему хозяйственному укладу, типу жилища (юрта), многим обычаям таглыки почти не отличаются от скотоводов-киргизов, однако с последними в браки не вступают; их домашняя обстановка и одежда сходны с уйгурскими. Характерно, что молодежь таглыков склонна была относить себя к уйгурам, старики же не только настаивали на своей принадлежности к киргизам, но и относили себя к племенному подразделению киргизов Кыпчак. До освобождения Синьцзяна дети таглыков в этой местности обучались на киргизском языке.

[9] Наиболее полные данные о расселении и племенном составе киргизов Синьцзяна на начало нашего века содержатся в книге: Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903, стр. 233—236.

[10] Небольшое количество кыпчаков (вместе с нойгутами) отмечено в Сарыколе.

Главная масса найманов сосредоточена к югу от г. Янги-Гиссара, в местности Кызыл-тоо, по урочищам Тоюнлюк, Чимген, Там, Арпалык, Согот, Капка, Сарай, Кайыз и др., в местностях Ой-таг, Гез; часть их живет в Сарыколе — в долине Тагармы и в Таш-коргоне, на восточных склонах Сарыкольского хребта, поблизости от границ СССР. К найманам же принадлежит оседлое киргизское население двух кентов: Джайтерек и Джаилган.

В меньшем количестве встречаются киргизы, относящие себя к группе Теит (около 400 хозяйств). Теиты живут главным образом в урочище Бөрю-токой по р. Кызыл-су (к западу от г. Кашгара), по р. Кара-таш (правый приток р. Кызыл-су к западу от г. Янги-Гиссара) и урочищам Кан-терек и Чимген по р. Чумбус, к югу от Янги-Гиссара. Кроме того, некоторое число теитов проживает в Сарыколе, в м. Кара-көл-Суубашы, Ташкоргон. Группа Кесек проживает в количестве до 180 хозяйств в урочищах Пас-рабат, Кенкол и Тагарма. Четыре названные группы (вместе с некоторыми другими) — киргизы, живущие в Ошской области Киргизской ССР, называют иногда общим именем Ичкилик.

Следующее по численности место после ичкиликов занимает большая группа Чонг-багыш (до 700 хозяйств), локализующаяся на южных склонах Тянь-Шаня по долине р. Тоюн в урочищах Чакмак, Терек, Майдан и Тоюн, а также к северо-западу от г. Кашгара, в местностях Кызыл-ой, Канджуган и Джыгач-арт, и еще далее к западу, в местностях Оксалыр и Кавагатты [11]. Вместе с чонг-багышами проживает некоторое количество представителей других племенных групп: Сарыбагыш, Карабагыш, Мундуз, Дөөлөс, Черик и др.

Довольно значительную группу среди киргизского населения Кашгарского округа (около 600 хозяйств) составляют Кутчу. Они расселены в северо-восточной части округа, в местностях Джай-дөбө, Бычан, Ангыз, Инген, Шейит, Джейрен-булак и пр.

Поблизости от границ СССР, в нескольких урочищах вдоль р. Кызыл-су и ее притоков (Сымкана, Сарыбулак, Токой-башы, Эттик, Сакал, Джыгын, Джойулган-суу, Улугчат), проживают значительная (более 450 хозяйств) группа Джоош и некоторые другие группы, относящие себя к племени Мӱнгӱш. Наконец, в долине р. Каратерек, в этом же районе (а также в упомянутой местности Джойулган-суу), проживает 50—60 хозяйств из группы Джору, входящей в племенное объединение Адигине [12].

В Аксуйском округе проживают киргизы, относящие себя преимущественно к двум крупным племенным группам — Черик и Кутчу. Черики, которых насчитывается около 1700 хозяйств, расселены в местностях Акчий, Кара-чий, Джалан-чий, Кара-булак, Сарыбулак, Кызыл-кӱмбөз, Ак-бейит, Кызыл-ан, Кулан-сарык, Уч, Ак-өтөк, Джаман-суу и др.); кутчу — в некоторых местностях совместно с чериками, а также в урочищах Баш-чакма, Сапарбай, Кара-теке [13]. Кутчу составляют около 700 хозяйств.

Кроме того, в местности Боз-дӧнг проживает группа выходцев из Прииссыккулья в количестве более 350 семей, относящих себя к племени Бугу. Вместе с ними отмечено небольшое количество хозяйств, принадлежащих к группам Дөөлөс, Саяк.

---

[11] По сведениям Джумабая Качыбекова, чонг-багыши проживают еще в местности Корумдук, а вместе с чериками — в местностях Чонг-караджуль и Кичи-караджуль.

[12] Джору проживают еще в местности Ой-таг.

[13] По сведениям Абдыкалыка Эсенаманова, группы Кутчу проживают еще в местностях Балам-калды, Бычак-сынды, Төө-кабырга.

В местности Қара-теке расселена группа Мундуз, насчитывающая от 100 до 120 хозяйств [14].

Более мелкие группы, так же как и мундузы, относящие себя к «левому крылу» киргизских племен, вкраплены среди чериков (группа Қытай) и среди кутчу (группа Саруу). Имеются указания и на некоторые другие этнические группы киргизов, проживающие в пределах Аксуйского округа, однако нет точных данных об их количественном составе и расселении. Так, например, отмечается наличие групп Қарабагыш, Сарыбагыш, Чонг-багыш и Қыпчак. Сарыбагыши живут к северу от г. Бая, ближе к горам, называют себя «калмакы». Последние две группы подверглись уже сильному влиянию местного уйгурского населения. Чонгбагыши проживают в районе г. Қарашара, кыпчаки — в местностях Қарабак и Джангы-арык [15].

В Илийском округе основной массив киргизского населения сосредоточен в долинах р. Текес и ее притоков. Здесь, по последним данным, проживает до 1200—1300 семей, относящихся к основным подразделениям племенной группы Бугу. Но в небольших количествах среди них представлены и мелкие подразделения других северо-киргизских племен: Солто, Сарыбагыш и др. Наиболее крупные точки расселения бугинцев — по долинам рек Көк-суу, Ак-ыяз, Көк-терек, Ак-терек и др. Кроме того, по имеющимся сведениям, небольшие группы киргизов расселены среди казахского и калмыцкого населения по урочищам, расположенным в системе р. Кунгес (Күнөс) и по долинам Большого и Малого Юлдузов (Джылдыз) [16]. Однако они в культурно-бытовом отношении в значительной мере ассимилированы окружающим населением [17].

В Хотанском округе, в предгорьях Куэнь-луня, в местностях Қуланарык, Санджу и других, в количестве 60—80 хозяйств расселились группы Найман, Теит, Кесек, Бостон и др.

Чрезвычайно большой интерес представляют рассказы очевидцев, побывавших в Синьцзяне, а также осведомленных стариков о проживающих в Синьцзяне долонах. Так, Сагымбай Мангытов (Джеты-Огузский район Иссык-Кульской области) видел долонов на Джаркен-дарье, в местностях Чекилден и Қарангылык. По языку и образу жизни они почти не отличаются от уйгуров, по физическому типу стоят ближе к киргизам, хотя и имеют более высокий рост. Сами долоны утверждают, что по происхождению они — киргизы, а предок их — Джан-

---

[14] По сведениям Курмангалия Байбекова, Қокумалы Тостокова и других, мундузы проживают также и в местностях Джаман-суу и Уй-булак.

[15] По показаниям Султана Суранчиева и Ыбрая Джангыбаева, в оазисе Куча, в местности Шая, в 1916 г. проживала группа киргизов, придерживавшихся уйгурских обычаев, но считавших себя по происхождению дөөлөсами.

Бердалы Токтобаев утверждает, что в г. Кельпин (между Маралбаши и Уч-Турфаном) имеется группа местного населения («сарты»), которая называет себя киргизами. Они расселены по улице, называемой киргизскою («кыргыз кочөсү»). Как и киргизы, они охотятся с беркутами. Наличие киргизов в Кельпине подтвердил Өмүралы Байчериков, который отнес их к черикам.

[16] Абдыкалык Эсенаманов называет, в частности, местности Мылкы, Сиген, Қыргыз-булак, в которых живут совместно киргизы и калмыки.

[17] По сведениям того же информатора, в местностях Аксуу и Чегирти, расположенных в системе р. Текеса, живет около 300 семей, относящих себя к группам Баргы (входит в объединение Адигине) и Монголдор.

Имеется ряд показаний о наличии среди калмыков на Текесе и в других местах небольших групп киргизов из числа сарыбагышей и бугинцев (группа Тынымсеит). Как указал Курмангалий Байбеков, среди калмыков в районе г. Қарашара имеются группы киргизов из состава Саруу, Мундуз и Дөөлөс.

Сагымбай Мангытов отметил наличие среди калмыков таких киргизских групп, как Джедигер, Монголдор, Саяк. Последние называют себя «саяк-калмак».

гыл-мырза (легендарная героиня из племени Нойгут). По свидетельству Абдыкалыка Эсенаманова (Акталинский район Тянь-Шаньской области), долоны живут в местностях Кызыл-кобу, Чонг-мыс, Орто-мыс, Кичи-мыс, Балык-суу, Чонг-калка, Орто-калка, Кичи-калка и в г. Базаре. По словам самих долонов, с которыми беседовал информатор, их предок по мужской линии — киргиз, а по женской линии — калмычка, дочь Долоона («долоонның кызы»). Они живут, как уйгуры, и говорят по уйгурски, но сохраняют некоторые киргизские обычаи, например, скачки с козлом, конские скачки («улак тартат, ат чабат»). О том, что предки долонов (дӧлӧн) — киргизы, рассказал и Мурзалы Мадраимов (Наукатский район Ошской области); по его словам, долоны живут вместе с кыпчаками и теитами в местностях Бостон-терек и Қавак.

Записанная нами в 1953 г. от Илепеса Сеитова (Чолпонский район Тянь-Шаньской области) легенда повествует о том, что трое сыновей одного из предков киргизов — Долон-бия, обидевшись на двух других своих братьев, ушли в Китай, где сейчас живет народ, называющий себя Ӱч-долон.

Все эти свидетельства о долонах нельзя признать случайными. Они могут пролить некоторый свет на древние этногенетические связи между киргизами и долонами, тем более, что происхождение последних остается загадочным.

Приведенные данные о родо-племенном составе дают возможность установить, что и среди киргизов Синьцзяна, как в прошлом и среди киргизов, проживающих ныне на территории Киргизской ССР, отчетливо выявляются два крупных родо-племенных массива. К первому принадлежат киргизы, живущие в пределах Аксуйского округа, текесские киргизы и племенные группы Чонг-багыш и Кутчу на территории Кашгарского округа. Этот массив составляет одно целое с киргизами, проживающими в северной части Киргизской ССР. Второй массив включает в себя основную часть киргизского населения Кашгарского и Хотанского округов, тесно примыкающего по своему родо-племенному составу к памиро-ферганским киргизам, населяющим в основном районы, расположенные в южной части Ошской области Киргизской ССР, и восточную половину Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Восточный Памир).

Названные две крупные группы киргизского населения Синьцзяна отличаются не только составом входящих в них родо-племенных подразделений, но и рядом особенностей в материальной и духовной культуре, хотя образ их жизни, связанный с кочевым скотоводством, в недалеком прошлом был в общем одинаковым, как единым является сейчас их язык, несмотря на наличие тех же северокиргизских и южнокиргизских диалектов, которые отмечены и для киргизского населения СССР. Общим для языка синьцзянских киргизов является и проникновение в него некоторых синтаксических форм, известного числа слов и выражений из языка основного населения Синьцзяна — уйгуров.

КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Указанные особенности, присущие двум группам синьцзянских киргизов, связаны, по-видимому, с несколько отличными путями их формирования. С одной стороны, Синьцзян, особенно северная его часть, был той территорией, которая наиболее близко примыкала к южной окраине древнекиргизских земель, и поэтому мог являться тем «мостом», который связывал ранние киргизские племена с прежними насель-

никами Тянь-Шаня. С другой же стороны, сам Синьцзян был ареной событий, оказавших влияние на этнический состав его современного населения. К ним можно отнести пребывание здесь огузов и тибетцев, расселение здесь древнеуйгурских племен, последующее вторжение и установление господства кара-китаев (XII в.), нашествие монгольских орд Чингисхана (XIII в.), длительную междоусобную борьбу правителей Могулистана (XIV—XVI вв.) и, наконец, политическое господство джунгар (ойратов) (XVI—XVIII вв.) в северной части современного Синьцзяна.

Близость исторических судеб южного Синьцзяна и Ферганы, а также Памиро-Алая, где с глубокой древности обитали племена кочевников, от времени до времени пополнявшиеся новыми пришельцами, тоже должна была отразиться на составе формировавшихся здесь киргизских племен. Поэтому среди южнокиргизских племен можно выявить несколько этнических слагаемых, происхождение которых связано с различными историческими эпохами.

К числу наиболее древних местных племен следует отнести, по-видимому, племя Теит, которое не упоминается в источниках и в котором мы находим (в пределах Ошской области Киргизской ССР) родовую группу «уйгур», носящую имя древних насельников Синьцзяна. То же самое следует сказать и о киргизском племени Кыпчак, которое трудно связывать с другими группами кыпчаков, пришедших в Среднюю Азию из обширных степей современного Казахстана. Скорее можно полагать, что кыпчаки южной Киргизии и Синьцзяна являются одним из племенных союзов, которые проникли сюда с территории первоначального местопребывания кыпчаков не кружным путем, а передвигаясь непосредственно к югу, через Джунгарию; возможно, что на юг они были увлечены движением кара-китаев. Среди кыпчаков Синьцзяна мы находим некоторые подразделения (например, Тогуз-кыпчак, Товур-кыпчак, Карақыпчак), не представленные среди кыпчаков, локализующихся на территории южной Киргизии. Это свидетельствует, на наш взгляд, о длительности пребывания кыпчаков на территории Синьцзяна и об их тесном контакте с местной этнической средой.

О киргизском племени Найман можно с уверенностью сказать, что оно представляет собой группу потомков западномонгольского племени Найман, часть которого, вытесненная из Монголии Чингисханом, переселилась во главе с Кучлуком на территорию Семиречья и Синьцзяна в начале XIII в.

Исследования, проведенные среди киргизского населения южной Киргизии, показали, что подавляющее большинство этнографических групп, известных под названием ичкиликов, и в том числе Кыпчак и Найман, считают своей древней родиной территорию современного Синьцзяна. На связь ичкиликов с этой территорией указывают данные по топонимике Синьцзяна. Там мы находим такие названия местностей, как Бостон-нор, Бостон-терек, Орху-нор, Меркит. Среди ичкиликов выявлены группы Бостон, Оргу (относят себя по происхождению к найманам), Меркит (относят себя к группе Төөлөс). Все сказанное выше приводит к выводу, что процесс формирования южнокиргизских племен был тесно связан с территорией современного Синьцзяна, а начало этого процесса восходит, очевидно, к XI—XII вв., а отчасти и к более раннему времени [18].

[18] В имеющемся у нас небольшом сочинении полурелигиозного-полулегендарного содержания, написанном на уйгурском языке (موڭغات كتاب قلملر), среди других народов упоминаются киргиз-мундузы, найманы, кыпчаки, теиты и кесеки (قيمت كشك).

Группа киргизского населения, известная ныне под названием ичкилик, является по своему происхождению достаточно сложной, хотя в процессе объединения племен и образования киргизской народности она и стала органической составной частью последней; это не дает никаких оснований для выделения ичкиликов в какую-то особую «инородную» или «чужеродную» по отношению к остальным киргизам группу.

Что касается таких групп, как Черик, Кутчу, Чонг-багыш, то они связаны этнически с северокиргизским кругом племен. Процесс формирования этого круга племен, связанный с Восточным Притяньшаньем, отчасти с Саяно-Алтаем, протекал в значительной мере на территории северной части современного Синьцзяна. Приведенные в разделе «Численность и расселение» данные о распространении групп киргизского населения на большой территории к востоку от границы СССР, вплоть до р. Кунгеса и долин Большого и Малого Юлдузов, можно поставить в связь со сведениями исторических источников о появлении киргизов в IX—X вв. на территории современного Синьцзяна [19].

Упомянутые выше сведения о том, что известная часть населения Синьцзяна, ныне ведущая оседлый образ жизни и говорящая на уйгурском языке, сохраняет воспоминание о своем киргизском происхождении, свидетельствуют об издавна идущем процессе уйгуризации киргизского населения. Очевидно, в более отдаленном прошлом киргизов в Синьцзяне было значительно больше. Но и без этого надо признать ареал распространения киргизских племен в Синьцзяне весьма большим, поскольку он доходит до границ Тибета и Кашмира. По свидетельству одного из информаторов (Курмангалия Байбекова), проезжавшие в хадж через Кашмир и соседние районы Тибета уйгуры встретили группы киргизов в Тибете. Эти свидетельства подтвердил известный географ А. В. Станишевский, указавший нам в личной беседе, что, по имеющимся у него данным, в Ладаке (Тибет) живет до 1000 киргизов.

Следами своеобразных путей происхождения северокиргизской и южнокиргизской групп племен и являются присущие им особенности материальной и духовной культуры. Очевидно, этим и объясняется выделение китайскими источниками XVIII в. двух киргизских «орд»: восточной и западной [20]. Однако на давнее участие южных киргизских племен в этногенезе киргизского народа указывает их ярко выраженное национальное самосознание, которое как бы подчиняет себе еще живые и достаточно стойкие представления о родо-племенной принадлежности. Отчетливое сознание того, что они являются частью киргизской народности, сохраняется даже у самых отдаленных групп синьцзянских киргизов, силой обстоятельств заброшенных в труднодоступные районы Центральной Азии. Небольшая группа киргизов, проживающая в урочище Санджу, в отрогах Куэнь-луня, на стыке его с Каракорумом на торговом пути из Синьцзяна в Кашмир, уже давно оказавшаяся изолированной от остального киргизского населения Синьцзяна, не утратила

При этом найманы и кыпчаки считаются потомками «хазрата Абубакир Садыка», а теиты и кесеки — потомками «хазрата Усмана Расулаллаха».

Как можно судить по содержанию сочинения, описываемые в нем события тесно связаны с территорией Синьцзяна. Так, в нем упоминаются походы на Кашгар, Яркенд, Аксу, Куча и Хотан, называется имя одного из известных религиозных деятелей XVII в. Аппак-ходжи и т. д. Текст этого сочинения был переписан киргизом Молдо Бакаджы из группы Джоонпут-найман (местность Джулук-башы в районе Улугчата). Содержащая его тетрадь была подарена нам Акимбеком Шерипбековым, выходцем из Синьцзяна.

[19] В. В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1943, стр. 31.

[20] А. Н. Бернштам. Источники по истории киргизов XVIII в. «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 127—128.

все же ни своего национального самосознания, ни многих этнографических особенностей, свойственных киргизам вообще. Санджуйские киргизы, до недавнего времени даже не имевшие ясного представления о том, что далеко на севере живут сотни тысяч их соплеменников, без колебаний называют себя киргизами. Имеются сведения о том, что несколько столетий назад киргизы заселяли территорию, более далеко простирающуюся на восток, чем сейчас, и жили, в частности, в Хотанских горах [21].

Киргизское население Синьцзяна вместе с другими живущими здесь народностями было свидетелем и участником бурных событий, разыгрывавшихся в Синьцзяне на протяжении последних столетий. Наряду с вооруженной борьбой, которую вели между собой местные духовные феодалы — ходжи, втягивая в нее и киргизов, здесь развертывалось освободительное движение трудовых масс уйгуров и киргизов против господства джунгарских тайши (XVII—XVIII вв.) и гнета военно-феодальной знати, представлявшей маньчжурский феодально-монархический режим (XVIII—XIX вв.).

Однако это движение в большинстве случаев захватывали в свои руки или местные феодалы или различные авантюристы, преследовавшие свои личные корыстные цели, почему частые восстания и заканчивались в конце концов неудачей. Междоусобные феодальные войны, соперничество маньчжуро-китайских и кокандских феодалов, жестокое подавление народных восстаний приводили к разорению трудового, в том числе и киргизского населения, которое каждый раз оказывалось обманутым очередным претендентом на власть в том или другом уйгурском феодальном княжестве (количество их в пределах современного Синьцзяна доходило до семи). Наиболее крупное антиманьчжурское, так называемое «мусульманское восстание», охватившее край в 1864—1878 гг., привело к свержению власти маньчжуро-китайской военно-феодальной бюрократии, однако трудящиеся массы не смогли воспользоваться плодами своей победы. В 1877—1878 гг. прекратило свое существование буферное ханство Якуб-бека, и Восточный Туркестан был снова присоединен к Китаю. В 1884 г. была образована новая провинция Китая — Синьцзян [22] с центром в г. Урумчи (Дихуа).

Положение киргизов при владычестве маньчжуро-китайских феодалов было не более благоприятным, чем в период господства местной уйгурской знати. Они принадлежали к числу угнетенных национальных меньшинств Синьцзяна. Эксплуатируемое собственными баями и беками трудовое киргизское население испытывало на себе еще произвол маньчжуро-китайских чиновников и военных властей. Административное управление осуществлялось через утверждаемых маньчжуро-китайскими властями беков, обычно представителей имущественной верхушки, которые подчинялись уездному начальнику. Беки обеспечивали исправное поступление налогов и осуществляли полицейские функции при помощи десятских — «онбашы». При существовавшей в Синьцзяне административной системе беки не получали жалованья и содержались за счет населения, получая с каждого хозяйства по овце. Эта система «кормления» создавала широкие возможности для злоупотреблений, чем и пользова-

[21] Сообщение Темира Баймамбетова, 37 лет, из группы Чал-теит, уроженца местности Бёрю-токой (Кашгарский округ).

[22] Дословно «новая граница». Так в середине XVIII в. была названа линия военных поселений, созданная после разгрома Джунгарского ханства. В 1884 г. это наименование было придано новой (пограничной) провинции, объединившей в своих пределах прежние Джунгарию и Кашгарию.

лись многие беки, занимавшиеся вымогательствами и поборами с населения. Оседлые киргизы управлялись через старшин, которых называли «чонг» («большой»).

По отношению к киргизскому населению пограничных районов местные власти применяли своеобразную систему воинской повинности: каждый бек обязан был выделять определенное число всадников для комплектования регулярных конных отрядов («лянз») в Улугчате и Булункуле и одного иррегулярного — в Сырыколе. Киргизы составляли от половины до двух третей состава регулярных пограничных частей, некоторые из них назначались младшими офицерами. Власти осуществляли ряд мер, чтобы расположить в свою пользу пограничное киргизское население, которое обязано было еще выставлять караулы для охраны западных границ [23].

В 1916 г. в Средней Азии развернулось мощное национально-освободительное движение, направленное против колониально-капиталистического режима и против гнета местных баев и феодалов. Большое участие в нем приняли и киргизы. После подавления восстания царскими войсками огромные массы киргизского населения, преследуемые карательными отрядами, перешли из России на территорию Синьцзяна, главным образом в пределы Аксуйского округа. Потеряв почти все свое имущество и скот, беженцы попали в очень тяжелое положение. Однако местная администрация не оказала им никакой помощи. Доведенные до крайности многие киргизские семьи вынуждены были нищенствовать, и некоторые, чтобы спасти свои семьи от голодной смерти, отдавали или даже продавали детей местным баям.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России открыла для беженцев возможность вернуться на родину и вместе со всем советским народом приступить к строительству нового, социалистического общества. Правда о жизни их соплеменников в социалистической стране все больше проникала к трудящимся киргизам Синьцзяна, вызывая у них глубокие симпатии к Советской власти, к Коммунистической партии, возглавившей строительство социализма в Советском Союзе. Моральный авторитет советского правительства, уничтожившего неравноправные договоры, навязанные Китаю царским самодержавием, построившего экономические, в особенности торговые, отношения с Синьцзяном на равноправных основаниях, укреплялся с каждым годом. Напротив, стремясь к превращению Синьцзяна в плацдарм для борьбы против СССР, агенты империализма пытались развернуть широкую деятельность для подрыва у населения Синьцзяна доверия к Советскому государству, вели разведывательную и диверсионную работу. Провинциальное правительство Синьцзяна, действовавшее по указке гоминьдановцев, по существу не мешало этой подрывной работе. Но результаты ее были ничтожны. Киргизское население на собственном опыте неоднократно убеждалось, что в лице советского народа оно имеет надежного друга. Так, например, в 1938 г. значительная часть киргизов Синьцзяна оказалась в очень тяжелом экономическом положении. В результате систематических эпизоотий и, как следствие их, упадка скотоводства многие киргизские хозяйства лишились основного средства существования. Советское правительство пришло нуждающимся скотоводам на помощь: оно безвозмездно передало для распределения среди скотоводов более 12 тыс. голов овец. Около тысячи киргизских бедняцких хозяйств получило эту бескорыстную помощь.

[23] Корнилов. Указ. соч., стр. 233, 265—267, 359—362.

И в Синьцзяне, как и в других провинциях Китая, зрели и сплачивались демократические силы, поднимавшиеся на борьбу с реакционным гоминьдановским режимом. Бок о бок с уйгурскими, китайскими, казахскими трудящимися Синьцзяна в этой борьбе участвовали и киргизские трудящиеся. В результате открытого вооруженного восстания против гоминьдановской клики в 1945 г. на территории Илийского, Тарбагатайского и Алтайского округов Синьцзяна была создана революционная база. Во главе революционной армии стоял киргиз Исабек Мониев. Киргизское население приняло самое активное участие в широко развернувшейся национально-освободительной борьбе, в партизанском движении. Некоторые районы Синьцзяна стали «партизанским краем». Взбешенные ростом партизанского движения, приобретавшего все более организованный характер, гоминьдановцы бросили для подавления партизан крупные карательные отряды, снабженные новейшим американским оружием. Борьба была неравной, и много лучших сынов киргизского народа погибло. Только великая победа демократических сил Китая, возглавляемых Китайской коммунистической партией, принесла освобождение и киргизскому населению Синьцзяна.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

До освобождения Синьцзяна у киргизов господствовали патриархально-феодальные отношения. Землей и пастбищами распоряжалась фактически имущественная верхушка, хотя внешне землепользование еще носило общинный характер. Киргизы занимались главным образом скотоводством, но среди них, как указывалось выше, уже имелась значительная группа оседлых земледельцев. Скотоводы разводили овец (курдючных) и коз, крупный рогатый скот (в его составе в Кашгарском округе значительное место занимали яки), лошадей, верблюдов (на юге — двугорбых) и, наконец, ослов. Указанные виды скота в различных местностях распределены неравномерно, что прежде всего относится к якам, лошадям и верблюдам. Особенно много яков разводят в местностях Тоюн, Сарыкол, Санджу, Улугчат и Сымкана. Меньше всего лошадей имеется в Сарыколе и в урочище Кызыл-ой, что объясняется большой высотой местности; основными центрами коневодства считаются местности вдоль хребта Как-шаал, Тоюн, Бостон-терек и Улугчат. Верблюды в большом количестве имеются у киргизов, живущих в местностях Бөрютокой, Джойулган и Тоюн.

Главная масса скота еще до недавнего времени была сосредоточена в руках сравнительно небольшой группы скотоводов-баев и в крупных зажиточных хозяйствах, применявших наемный труд и эксплуатировавших зависимую от них бедноту. Беднейшая же часть населения была крайне слабо обеспечена скотом. До десятка коз и овец, иногда корова, редко лошадь — таким было «стадо» бедного скотовода. В целом количество малоскотных хозяйств среди синьцзянских киргизов было весьма значительно, составляя нередко от 30 до 50% всего числа хозяйств. Бесскотные и малоскотные хозяйства подвергались жестокой эксплуатации, прикрываемой различными видами «помощи» со стороны баев. Немало бедняков-киргизов работало до последнего времени пастухами у уйгурских баев-скотовладельцев. Следует отметить, что и здесь (хотя и в меньшей степени, чем во внутренней Монголии) была распространена отдача скота, принадлежавшего китайским ростовщикам, на выпас беднякам киргизам на условии «гарантированного приплода». Бедняк получал право пользоваться молоком, шерстью и частью приплода от выпа-

саемого скота, но вследствие частых эпизоотий, бескормиц и т. п. он вынужден был довольно часто покрывать «недобор» в стаде за счет собственного скота и, постепенно утратив его, становился батраком-пастухом у ростовщика.

Скотоводство у киргизов носит кочевой и полукочевой характер. Зимние стойбища скотоводов нередко находятся на значительной высоте (до 2 тыс. метров над уровнем моря). Весну (и осень) они проводят на более высоко расположенных пастбищах, а летом поднимаются до подножия ледников, иногда на высоту от 3 до 3,5 тыс. метров (в некоторых случаях и выше). Перекочевки совершаются на сравнительно небольшие расстояния. Приемы разведения скота и ухода за ним находились до последнего времени на низком уровне, заготовка сена практиковалась немногими хозяйствами; часть скота размещалась зимой в открытых загонах.

Всюду, где климатические условия позволяют производить посевы, киргизы занимаются как подсобной отраслью хозяйства также и земледелием. Сеют они главным образом ячмень, а там, где этому благоприятствуют климатические условия,— пшеницу и просо. Посевы, как правило, поливные («сугар»). Для обработки почвы еще недавно применялись такие примитивные орудия, как деревянная соха с чугунным наконечником («буурсун», или «букурсун») [24] и простое бревно (для разравнивания почвы), заменяемое иногда дышлом от сохи.

Пахота и посев начинаются обычно в апреле. В зависимости от наличия того или иного скота пахоту производят с помощью быков, лошадей или яков. При бороновании бревно («мала») или дышло сохи привязывается за оба конца к середине ярма («мойунтурук»), на него становится человек. Посев производится руками. Семена насыпают в торбу («ат торбо»). Жатву производят серпом («орок»). Снопы с поля перевозят на волокуше («чийне»). Для обмолота урожая устраивается площадка («кырман»), посредине которой устанавливается столб («мому»). На нем укрепляется сделанное из прута кольцо («чюлюк»), к которому привязывается веревка. При помощи этой веревки связывается вместе некоторое число животных (лошадей, быков), которых гоняют по разостланным на кырмане снопам. При недостатке скота в некоторых местах Кашгарского округа применяют для молотьбы щит, сплетенный из веток и травы («увал»). Щит прикрепляют веревками к хомуту. Погоняльщик сидит верхом на седле.

Еще недавно киргизы, занимавшиеся земледелием, сопровождали пахоту и обмолот урожая некоторыми обрядами. Выезжавшие на пахоту брали с собой лепешки и другую пищу, посвящая ее во время еды патрону земледелия Баба-дыйкану. После принятия пищи произносили молитву («дува»). Когда обмолоченное зерно было ссыпано в мешки, обеспеченный хозяин старался совершить обряд «чечкор». На сложенные вместе вилы («бешилик»), лопату («кўрök») и употребляемое для провеивания зерна решето («парак») клали овцу и резали ее, посвящая Баба-дыйкану.

Байские хозяйства, имевшие значительные посевы, в период уборки урожая нередко прибегали к соседским «пóмочам» («ашар»); вместо оплаты труда работающих на их поле соседей баи устраивали общее угощение. Тем самым быстрое завершение полевых работ достигалось при ничтожных затратах средств.

[24] Ср. уйгурское название для орудия такого же типа — «букуса» (Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь, М., 1939, стр. 25) и بوغوسا (Русско-уйгурский словарь, под ред. Т. Р. Рахимова, Москва, 1956, стр. 1214).

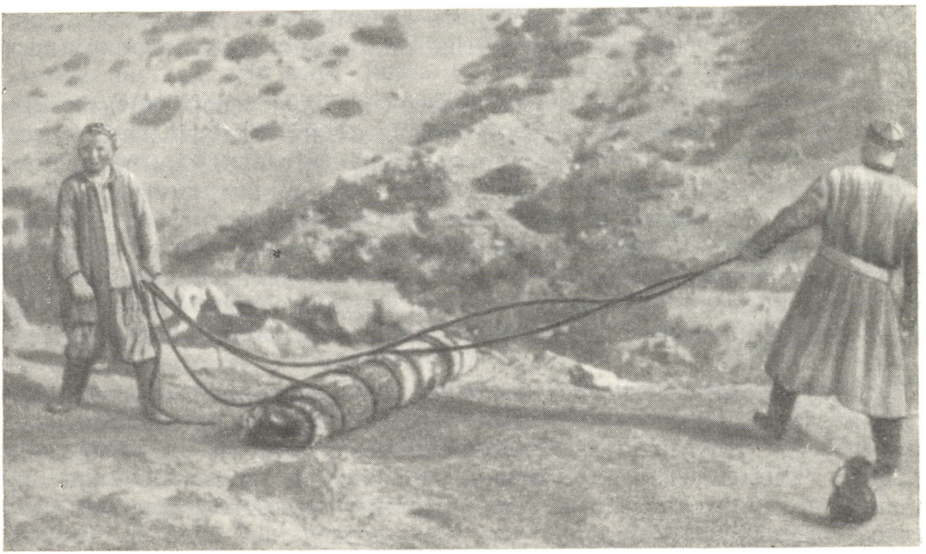

Рис. 2. Один из способов катания войлока, применяемый на юге Синьцзяна

В горных долинах, расположенных к югу от г. Янги-Гиссара, в местности Кызыл-тоо (Кзыл-таг), а также в некоторых других местах, киргизская беднота уже давно была вынуждена вести почти оседлый образ жизни из-за недостатка скота и пастбищ, захваченных богатыми скотоводами. Крошечные поля бедноты, засеваемые преимущественно ячменем, были разбросаны на горных склонах.

О киргизах-земледельцах, живущих смешанно с уйгурами, говорилось выше.

У скотоводов развиты домашние промыслы, связанные главным образом с обработкой шерсти, кожи и других продуктов скотоводства. Из шерсти изготовляются войлоки, ткань для одежды, ковры, украшения для юрты, обувь, арканы и т. д., из кожи — посуда, сбруя, обувь и др. В способе выделки войлока (его изготовляют обычно с помощью соседей) наблюдаются различные приемы, не встречающиеся в других местах. Так, свернутый в рулон вместе с циновкой войлок в процессе обработки или катают по земле два человека, поочередно притягивая его к себе арканами (рис. 2), или возит за собой мужчина, сидящий верхом на яке [25].

Значительная часть домашней утвари и одежды, а также и войлочные покровы для юрты изготовляются домашним способом.

Хотя в киргизском хозяйстве еще недавно были отчетливо выражены черты натуральности, тем не менее оно имеет давние рыночные связи. В продажу поступает как живой скот, так и животноводческое сырье (шерсть, кожа, волос, овчины), а также некоторые готовые изделия (войлоки, арканы) и пушнина. Такие необходимые товары, как ткани, некоторые принадлежности одежды, чай, металлические изделия, киргизы приобретали раньше на рынках городов Кашгара, Янги-Гиссара, Аксу,

[25] Maynard Owen Williams. First over the roof of the world by motor. «The national geographic magazine», 1932, March, стр. 346.

Уч-Турфана и других, реже у разъездных торговцев, иногда приезжавших в кочевья.

Помимо основных занятий — скотоводства и земледелия, в различных местах встречаются и некоторые другие, подсобные занятия. Так, например, киргизы, проживающие в Санджу, до сих пор занимаются поставкой проводников и транспортных яков для перевозки грузов через перевалы, ведущие к Кашмиру. Бӧрю-токойские киргизы заготовляют дрова, выжигают уголь и доставляют топливо зимой на верблюдах в города Упал и Кашгар. Некоторые киргизы занимаются охотой, употребляя как ружья и капканы, так и ловчих птиц. Из ружей (прежде преобладали фитильные) бьют архаров и горных козлов. С орлами охотятся на антилоп, лисиц и волков, с соколами — на зайцев и птиц. Киргизы разводят особую породу охотничьих собак («тайган»). Имеются также указания на то, что в некоторых пунктах они добывали руду, из которой выплавляли медь; она шла на изготовление посуды и других предметов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА [26]

По наиболее важным чертам материальной культуры киргизы Синьцзяна также должны быть подразделены на две группы. Северная их группа в общем характеризуется теми же особенностями, какие присущи притяньшанским киргизам, южная же группа обладает признаками, типичными для киргизского населения Памира, Алая и южной Ферганы. Общими для той и другой группы являются, с одной стороны, та основа материальной культуры, которая связана с общими историческими судьбами и с одинаковым хозяйственным укладом, с другой стороны — воздействие в той или иной мере оседлой уйгурской культуры.

Особенности каждой из указанных двух групп отчетливо прослеживаются в типе жилища переносного типа — юрты, которую на севере Синьцзяна называют «боз-ӱй», а на юге — «ак-ӱй» (белая юрта) или «кыргыз-ӱй». Основным типом жилища у какшаальских киргизов является юрта (рис. 3). Зимние стойбища состоят обычно из 6—10 юрт и примитивных построек для скота. Такая группа юрт, чаще всего принадлежащих близким родственникам, составляет «айыл», находящийся в 4—5 км от соседнего. С наступлением тепла почти все население переселяется на весеннее, а затем и на летнее пастбище вместе со всем имуществом. Юрту в разобранном виде перевозят на верблюдах и яках.

По форме остова (с высоким конусообразным куполом), внутреннему убранству и внешнему декоративному оформлению эта юрта относится в основном к тому же типу, который был распространен по всей территории северной Киргизии, за исключением Таласской долины, где форма юрты, как и в южных областях, несколько иная.

Деревянный остов юрты составляется чаще из шести, реже из восьми, решеток («кереге»), 70 жердей («уук») и верхнего массивного обода «тӱндӱк», образующего отверстие для освещения и выхода дыма. К разборной дверной раме прикрепляется деревянная двустворчатая дверь («каалга»), часто украшаемая росписью. Узорные полосы различной ширины, служащие для укрепления остова юрты и соединения его

[26] Характеристика материальной культуры северной группы синьцзянских киргизов дается по материалам этнографического отряда Киргизской комплексной экспедиции, собранным и обработанным научным сотрудником Е. И. Маховой. Эти материалы посвящены описанию группы Черик, однако они в основных чертах могут быть отнесены ко всем киргизам, живущим в долинах и урочищах хребта Какшаал и на его южных склонах и предгорьях.

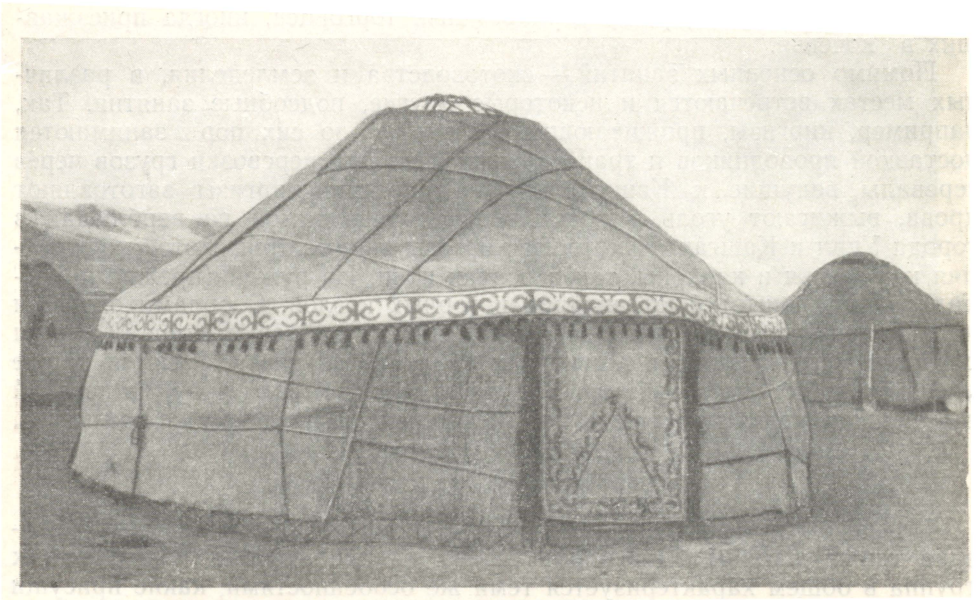

Рис. 3. Тип юрты, распространенной в северной части Синьцзяна

отдельных частей, носят те же названия и имеют те же узоры, что и в северной Киргизии. Деревянная дверь дополняется навесной, состоящей из войлока, нашитого на циновку. Последняя обычно бывает узорная, так как стебли чия оплетаются разноцветной шерстью[27].

Как и в старинной юрте чериков, живущих в Атбашинском районе Тянь-Шаньской обл. Киргизской ССР, к верхней части войлоков («туурдук»), закрывающих решетчатый остов, пришивается изнутри узорная полоса шириной до 50 см из красного и коричневого войлока, называемая «туурдук-баш».

В богатых юртах в летнее время поверх этой полосы вешают широкую полосу («джабык-баш») из черного бархата, вышитую тамбуром разноцветными нитками. В большинстве же случаев это украшение делают совершенно отдельно в виде очень широкой (110 см) узорной полосы, сшитой из красного и синего войлока, и укрепляют под купольными жердями; к ее нижнему краю пришивают узкую полосу белой ткани («агэтек») с узором из красной материи.

Ниже агэтека под жердями укрепляется широкая полоса («тегирич»), вытканная из красной и синей шерсти и обшитая по краю кружевом, сплетенным из красных шерстяных ниток. Украшением юрт с внешней стороны, как и у тяньшаньских киргизов, живущих в Киргизской ССР, служит «кылдырооч-төтөгө» — белая полоса с аппликацией из красной материи, прикрепляемая к краю верхних войлоков. Аппликация из красной ткани по белому фону украшает и края навесной двери.

Предметы обстановки и утвари, как и порядок их расположения, а также и размещения членов семьи в юрте, за небольшим исключением такие же, как и в старинной юрте тяньшаньских киргизов. Почетное место в юрте устилают войлочным ковром, называемым у какшаальских

[27] У какшаальских и атбашинских чериков верхняя часть этой циновки отличается исключительной яркостью и четкостью узора.

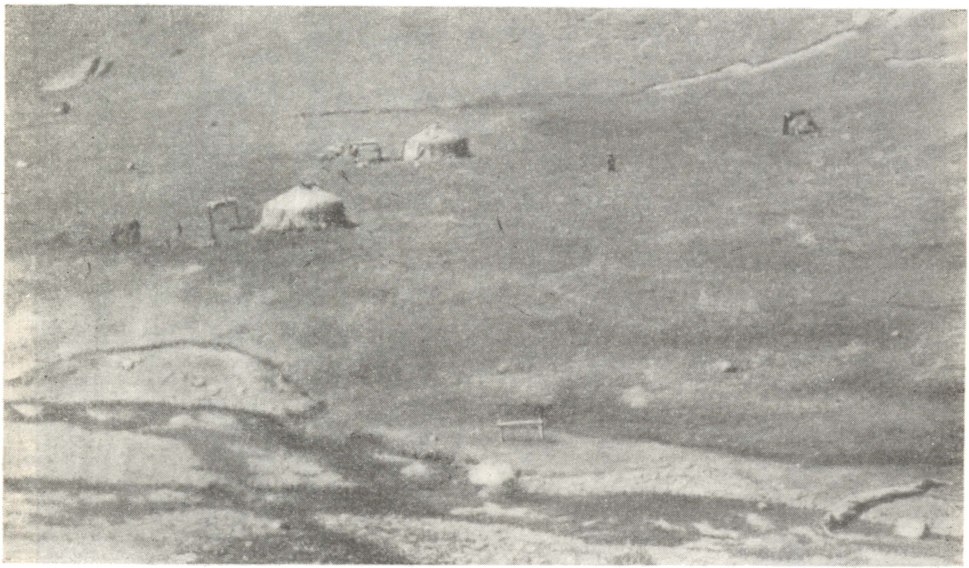

Рис. 4. Юрты южной части Синьцзяна

киргизов «ободо». Поверх него стелют меховой коврик («кölдöлöнг») или, когда приходят почетные гости,— узкую длинную подстилку («алтыгат»), сшитую из двух-трех слоев войлока, крытую сверху шелком, с широкой бархатной каймой, украшенной вышивкой.

Второй войлочный ковер расстилается на мужской половине. Здесь же вешают настенный коврик («туштук») [28]. Справа от двери ставится загородка «ашкана» [29], за которой хранятся молочные продукты в деревянных чашках и блюдах. У какшаальских киргизов ставят еще вторую узорную циновку меньшего размера (130×160 см), которая носит название «кош-ооз»; она закрывает вход в ашкану с внутренней стороны. Подобное устройство загородки сохранилось до настоящего времени у атбашинских чериков.

На хозяйственной стороне юрты стелют ковер («таар-шырдак» или «таар-ободо»), центр которого сшит из полосатой грубошерстной ткани, а кайма сделана из узорного войлока. Эта часть юрты считается женской.

Для южной группы характерна юрта с низким куполом полусферической формы, иногда сильно уплощенным (рис. 4). Эта конструктивная особенность южнокиргизской юрты зависит от формы купольных жердей, нижняя часть которых делается со значительным изгибом. В остальном деревянный каркас юрты не имеет существенных различий.

Нарядный вид юрте южных киргизов придают украшения в виде аппликаций как по нижнему краю верхних войлочных покровов («ўзўк»), так и на лицевой войлочной стороне навесной двери. Эти аппликации

[28] «Туштук» (на севере Киргизской ССР — «тушкийиз») представляет собой настенный коврик, состоящий из яркой ткани, обшитой с трех сторон очень широкой каймой из черного бархата, вышитого разноцветными нитками, тамбурным швом.

[29] «Ашкана» представляет собой циновку, сплетенную из стеблей чия, обвитых разноцветной шерстью. Такие же циновки, но более длинные, ставят между решетчатым остовом юрты и войлочными покровами.

Рис. 5. Женщина в юрте на юге Синьцзяна

делаются из войлока другого цвета и довольно часто украшаются небольшими пучками шерсти яка.

Во внутреннем убранстве юрт обеих групп сохраняется много общих черт. Они выражаются в одинаковом размещении основных комплексов вещей. У киргизов южной группы противоположная входу часть юрты, где на сундуках, обитых жестью или кожей, сложены одеяла, войлоки, подушки, одежда, тюки с мягкими вещами, служит местом для приема гостей. Направо от входа помещается хозяйственная утварь и запасы пищи, налево — «мужской» инвентарь — седла, арканы и т. п. Прежде в дождливую погоду там же размещались маленькие ягнята и козлята. В центре раскладывается костер или ставится переносная печурка.

Но наряду с этими общими чертами наблюдаются и некоторые особенности. Следует отметить употребление южной группой широкой орнаментированной тканой полосы, которой обвязывается решетчатая часть остова юрты («кереге-тангуу»), и широкой же войлочной полосы (обычно вышитой шерстяными или шелковыми нитками), которой обтягиваются купольные жерди («джавук-баш»). Упомянутая выше войлочная полоса («туурдук-баш») бывает еще расшита шерстяными нитками. Благодаря всем этим украшениям юрта киргизской семьи даже среднего достатка имеет внутри красочный вид (рис. 5). Кроме того, в редкой юрте нет хотя бы нескольких ковровых изделий; наиболее часто встречаются длинные узкие мешки («чавадан») для мягких домашних вещей с ковровой лицевой стороной, небольшие ковры («килемчä», «аяк-койчу» или «кош-джавык»), подвешиваемые под купольными жердями и имеющие пазуху для складывания посуды или женских головных уборов, украшений и т. п.

По своим размерам юрта у киргизов северной группы несколько меньше, чем у южных киргизов, но зато она прочнее. Помимо юрты обычного типа, баи для пастухов, а также некоторые бедняцкие семьи

устраивали жилище, напоминающее шалаш («алачык» или «ак-тегер»). Остов его состоял из жердей, один конец которых втыкался в землю, а другой — в обычный обод, имеющийся в каждой юрте («тўндўк»). Этот остов сначала окружался циновкой из чия или камыша, а потом покрывался войлоком.

На зимних становищах у многих скотоводов южного Синьцзяна имеются жилые дома с плоскими крышами. В богатых хозяйствах они образуют вместе с хозяйственными постройками небольшие усадьбы. В тех местностях, где живет осевшая на землю беднота (например, в Кызылтоо), встречаются небольшие селенья, состоящие из домов, сложенных из грубо обтесанных камней [30]. Нередко временное летнее жилище бедноты представляло собой укрытие, построенное из ветвей, кусков дерна и полотнищ паласов.

Часть какшаальских киргизов проводит зиму в домах, хотя возле них все же обязательно ставятся юрты, используемые для приготовления пищи зимой. На некотором расстоянии располагаются хозяйственные постройки, состоящие из открытых загонов для овец («короо»), помещения для лошадей («ат-кана») и загородки, где хранится сено («чөптам»). Весь этот комплекс жилых и хозяйственных построек не имеет изгороди. Иногда загоны для овец пристраиваются к дому, и тогда вход в него ведет через короо.

Сами киргизы очень редко занимаются строительством и приглашают для этой цели уйгуров, являющихся признанными мастерами. Дома строят из сырцовых кирпичей, с плоской крышей, глинобитными или деревянными полами и большими окнами. Иногда к дому пристраивают террасу («айван»), обращенную обязательно на восток. Стены делают с нишами, белят их внутри и снаружи и иногда украшают росписью. Любопытно, что роспись, идущая по верхней части стены, называется так же, как и декоративная полоса в юрте,— «джабык-баш».

Комнаты располагаются в один ряд; число их бывает различным (от двух до четырех) в зависимости от состоятельности и состава семьи. Четвертую комнату («чонг-ўй») обычно занимает женатый брат хозяина. В трехкомнатном доме одна из комнат, называемая «мейман-кана», является жилой и служит для приема гостей, средняя («дализ») — прихожая, где оставляют галоши и хранят сбрую, и третья — кухня («ашман-кана»), служащая одновременно кладовой. Камины ставят во всех комнатах, кроме мейман-кана, отапливаемой при помощи железной печи. Планировка дома, название комнат, наличие ниш в стенах и применение настенной росписи позволяют предположить здесь влияние уйгуров и узбеков. Во внутреннем убранстве дома сохраняется в основном тот же порядок расположения предметов обстановки, что и в юрте. В стенных нишах, называемых «текче» или «оюк», хранят посуду и головные уборы.

Чиевую циновку («ашкана») ставят в той комнате, где хранится утварь. Одежду развешивают на стене, ничем ее не закрывая. Столов здесь совсем не употребляют, их нет даже в богатых домах. Часть вещей на зиму оставляют в юрте.

Одежда какшаальских киргизов сохраняет почти все черты, характеризующие старинную одежду киргизов современной Тянь-Шаньской области Киргизской ССР и Прииссыккулья (рис. 6, 7). Некоторые изменения, происшедшие в ней за последние годы, касаются главным

[30] Ср. C. P. Scrine. Chinese Central Asia. Русский перевод: Скрайн. Китайская центральная Азия (Синьцзян). М., 1935. Имеются разбросанные сведения о некоторых сторонах жизни киргизов.

Рис. 6. Киргиз северной части Синьцзяна в национальной одежде (группа Черик)

образом одежды молодого поколения, в чем, видимо, сказывается влияние других народов, живущих в Синьцзяне (узбеки и уйгуры).

Среди представителей старшего поколения до настоящего времени все еще бытует старинная распашная рубашка («ачык-көйнөк») без воротника.

Мужчины молодые и среднего возраста теперь носят рубашку со стоячим воротом («туюк-көйнөк»); штаны мужские для всех возрастов сохраняют среднеазиатский покрой (их шьют с широким шагом); в зимнее время их часто шьют из овчины («тери-шым»). Поверх рубахи носят род кафтана («кемсел»), доходящего до колен, в талию, со стоячим воротом и вшивным рукавом. Короткий кемсел сохраняет старинное название «ыпча». Этот термин знаком и атбашинским киргизам.

Очень часто мужскую одежду (кемсел и чепкен) шьют из ткани домашнего изготовления («таар»), которую ткут из овечьей и верблюжьей шерсти. Зимней одеждой является теплый халат («чепкен»); его шьют из различных материй. Здесь носят нагольный тулуп старинного фасона («тон») из белой овчины, отороченной по подолу, вороту и полам широкой полосой черной мерлушки («көрпө»); теперь к тон пришивают иногда и большие воротники. Широкое распространение имеет халат из белого тонкого войлока («кементай»), отделанный узкой полоской черного бархата по подолу и полам и простроченный полосами[31]. Из темного войлока такой халат делают реже. Верхнюю одежду обязательно опоясывают: старики — кушаком из полосатой материи, называемым «дүнгө-кур»[32], а более молодые — платком с вышивкой, свернутым по диагонали; богатые киргизы носят кожаный пояс («кемер»), украшенный посеребренными пластинками с узорами и бляхами. Мужчины всех возрастов и юноши носят шапку («тебетей») с меховой опушкой и тульей, имеющей почти четырехугольную форму; у пожилых тулья сшита из темного бархата, а опушка сделана из черной мерлушки, у молодых тулья красная или ярко-синяя, а опушка сделана из меха сурка или лисицы. Летний головной убор юношей и мальчиков — тюбетейка из цветного бархата.

[31] «Кементай» совершенно такого же вида до настоящего времени встречается в Атбашинском и Кочкорском районах Тянь-Шаньской области.

[32] «Дүнгө-кур» (как нам любезно разъяснила филолог Б. Орозбаева) происходит от уйгурского слова «лөнгү» — полотенце.

Рис. 7. Киргизы северной части Синьцзяна в национальной одежде (группа Черик)

Обувью служат сапоги; старики носят мягкие сапожки («маасы») с кожаными галошами («кепич»). Пастухи носят поршни («чокой») [33] и чулки, катанные из шерсти («байпак»).

В одежде женщин старшего поколения сохраняются все особенности старинной одежды. Платья здесь носят двух фасонов, в зависимости от возраста. Очень длинное и широкое, сшитое из перегнутого полотнища — у пожилых, и с отрезом ниже талии, с отложным воротом — у более молодых. Еще и теперь, правда редко, женщины носят манишку из белой ткани («öнгӱр»), сплошь вышитую красными нитками, являвшуюся в прошлом характерной особенностью одежды в северной Киргизии.

[33] Кусок невыделанной кожи с отверстиями по краям, через которые пропускаются ремешки, собирающие кожу вокруг ноги.

Рис. 8. Киргизки северной части Синьцзяна в национальной одежде (группа Черик)

Ткани покупали в недавнем прошлом у кашгарских купцов, которые привозили их прямо в аулы (среди них сатин, ситец, белая и полосатая мата, бумажный бархат и набойка — «саркез») и меняли на скот, шерсть, шкуры, узорные войлоки, а также продавали за деньги.

Поверх платья женщины всех возрастов и девушки носят безрукавки со стоячим воротом (у молодых — более короткие), а иногда и одежду с короткими рукавами («чолок-кўрмö») (рис. 8). Сверху надевают «кемсел» того же покроя, что и у мужчин, но более длинный. Для молодых девушек кемсел теперь часто делают с отложным воротником и отворотами, но всегда из красного или полосатого бархата, с серебряными пуговицами.

Верхней одеждой является халат на стёжке («чонг-чапан»), который шьется из различных тканей, и шуба («ичик») халатообразного покроя, без воротника, отороченная по вороту, подолу и полам узкой полоской меха.

В одежде замужних женщин сохраняется старинная распашная юбка «белдемчи», несколько напоминающая по своему покрою понёву; ее шьют из черного бархата с вышивкой, а жены пастухов — из овчины. Белдемчи из бархата не является повседневной одеждой и надевается только во время больших перекочевок и на праздники.

Молодые женщины носят красные или черные сапожки, а пожилые — «маасы» и «кепич».

Рис. 9. Киргизка северной части Синьцзяна с налобной повязкой (группа Черик)

Головной убор замужней женщины («элечек») у какшаальских киргизов племени Черик отличается строгой формой, характерной для северной Киргизии, с ровными выступами вокруг головы, образуемыми поворотами ткани с заворотом на правую сторону. Молодые женщины украшают его полоской красной ткани или красного бархата и серебряными бляхами и кораллами. В настоящее время элечек носят уже не все, его заменяет платок с налобной повязкой, называемой «чеке-тангыч», закрывающей не только лоб, но и почти все волосы; она завязывается под косами (рис. 9). Эту повязку шьют из одноцветной ткани, причем налобную часть, которая видна из-под платка («чеке»), делают обязательно из другой материи определенного цвета. У молодых делают налобную часть повязки красной, желтой или пестрой, у пожилых — зеленой, белой, коричневой, а у вдов — синей или черной. Обычай ношения такой повязки имеет целью скрыть волосы от постороннего взгляда.

Еще совсем недавно замужние женщины носили в Какшаале «чачпак» — накосник в виде полосы из черного бархата, украшенный серебряными штампованными пластинками и кораллами, но теперь вместо него носят накосное украшение («чачуштук»), состоящее из блях и кораллов, или украшение из крупных монет. В богатых семьях свадебным

Рис. 10. Дети киргизов северной части Синьцзяна в повседневной одежде

головным убором является высокая конусообразная шапка («шӧкӳлӧ»), украшенная вышивками, серебряными бляхами и кораллами.

Головной убор девушек и девочек — такая же шапка, как и у мужчин, с опушкой из выдры («кундус») или мерлушки, и тульей, сделанной из красного или голубого бархата. С 10—11 лет к девичьей шапке обязательно пришивают перья филина. Летом девушки теперь носят тюбетейки из красного бархата, без вышивки (рис. 10).

В одежде киргизов южной части Синьцзяна также преобладают главнейшие типы, характерные для киргизской одежды вообще. Но в то же время имеются отличия, отражающие либо следы былых племенных осо-

бенностей, либо заимствования у соседнего уйгурского населения. В женской одежде южной группы можно отметить рубаху-платье с небольшим стоячим воротником, скрепляемым серебряной пуговицей или монетой. Нередко женщины верхнюю одежду опоясывают кушаком, а платья во время работы — платком; старухи и пожилые женщины носят широкий стеганный на вате пояс («белдемчи»).

Интересно своеобразное украшение («пючюлюк», или «тӧӧнӧш») в виде круглой пряжки — серебряной или железной с накладным серебром,— прикрепляемой к вороту рубахи. Наряду с распространенной безрукавной одеждой («кältäчä»), надеваемой поверх платья, встречается и короткая верхняя одежда с рукавами. Девушки и девочки носят иногда верхнюю шелковую одежду («джийäзы») уйгурского фасона, с застегиваемой справа почти на боку левой полой. В женском туалете находим нагрудное украшение — своего рода несессер — набор из щипчиков для выщипывания волос, ножичка для подравнивания бровей, ухочистки и зубочистки, распространенный также среди дунган и уйгуров Синьцзяна.

Но самой яркой особенностью костюма киргизских женщин южной группы являются их головные уборы («käллäк»), несколько отличающиеся у различных «племен». Надеваемая на голову шапочка («чачкеп» или «кеп-такыя»), особенно полосы ткани, как опускающиеся от нее с обеих сторон лица, так и ниспадающая на спину, украшаются тончайшей вышивкой цветными шелками. На нее надевают платок («тюп»), поверх которого навертывают белый тюрбан («уч»). Внутрь тюрбана нередко вкладывают кусок ваты, образующий выступ («тыккыч»), нависающий над лицом. На тюрбан накидывается слегка завязываемый сзади платок («сäрвäн джоолук» или «дäрийя джоолук») [34], нередко шелковый, украшенный вышивкой. Тюрбан в свою очередь повязывают иногда тесьмой из расшитой ткани, парчи и т. п. («мангдайлык» или «тартма», «кыргак»). К концам шапочки с обеих сторон лица подвешивают длинные связки кораллов, скрепленные серебряными пряжками и заканчивающиеся кистями; они опускаются спереди поверх одежды. Этот головной убор по своей форме и по обилию украшений отличается от белого тюрбана («элечек»), который носят женщины северной группы синьцзянских киргизов. Носят его главным образом в торжественных случаях, при поездке в гости, на праздниках и т. д. Носить такой головной убор повседневно и со всем набором украшений имели возможность только жены богачей, обеспеченных скотоводов и местной знати. Старухи надевают на голову шапочку, отороченную мехом, поверх которой накидывают белый кисейный платок. В некоторых местах, наоборот, шапочку надевают поверх платка.

В мужской одежде, наряду с местными вариантами общекиргизских типов, также наблюдается некоторое уйгурское влияние. Так, в отдельных местностях мужчины носят верхнюю одежду («чапан») более длинную, чем обычно у киргизов, и с небольшими разрезами внизу по бокам. Нагольный тулуп («джува») шьют по уйгурскому фасону, без воротника, с оторочкой из черной мерлушки. Носят также однобортные куртки со стоячим воротником («кемсел») и стеганные на вате халаты, не доходящие до колен. Среди малоимущих слоев раньше чаще встречалась одежда из ткани домашнего производства, особенно халаты и штаны. Тюбетейки носят не все; встречаются тюбетейки вязаные или из

[34] Вероятно, «сäрвäн» происходит от таджикских слов «сар» (голова) и «банд» (повязка); «дäрийя» — ср. узб. «дурра» (косынка); «джоолук» — кирг. платок.

легкой хлопчатобумажной ткани. Шапки («тумак») в большинстве случаев употребляют такие же, как и у оседлого населения Синьцзяна. Довольно высокая тулья сшивается часто из ткани двух сортов: например, верх бумажный, а низ бархатный. Шапки бывают оторочены узкой полоской овчины, иногда стриженой, или какого-либо другого меха. Эти шапки многие не только носят днем, но и спят в них. Находится в употреблении шапка и с широким массивным околышем из овчины или лисьего меха («теветей»).

Летом повсеместно распространена войлочная шляпа («калпак»). В южных районах это обычно шляпа с довольно высокой тульей слегка конусообразной формы, с разрезанными в двух местах полями. Надевают ее так, что разрезы приходятся над лбом и над затылком. На некоторых шляпах имеется отделка из узкой тесьмы в виде двух горизонтальных линий. К верхушке шляпы обычно пришита кисточка («пäпик») из черных или цветных шелковых ниток. Поля снизу обшиваются бархатом. Особенно ценятся шляпы из района г. Каргалыка (Кашгарский округ), изготовляемые из очень тонкого войлока и прошиваемые конским волосом. У чонг-багышей и кутчинцев распространены такие же шляпы с тульей полусферической формы, иногда с неразрезанными полями («тегерек-калпак»). Набожные старики носят чалмы из небольшого куска белой ткани, накрученной вокруг тюбетейки.

Обувь большинства мужчин (как, впрочем, и женщин) представляет собой сапоги («чарык») с невысокими голенищами на толстой подошве из кожи коровы или яка, без каблуков, со слегка загнутым кверху носком. У чонг-багышей распространены сапоги («тартма») в виде войлочных чулок, подшитых внизу сыромятной кожей, которая стягивается ремешком возле щиколотки. Аналогичную обувь носят пастухи-уйгуры в горах Хотанского округа. Сарыкольские киргизы носят шерстяные чулки, вязанные из цветных ниток («джороп»), подобные чулкам, распространенным и у соседних таджиков.

Характерной особенностью мужского костюма является опоясывание верхней одежды кушаком («кур») из скрученной жгутом полосы шерстяной или бумажной ткани или платком, вышитым цветными бумажными нитками. Иногда кушак заменяется кожаным ремнем («кäмäр»). Чонг-багыши кушаков не носят, у них встречаются кожаные пояса, отделанные (у богатых) серебряными украшениями. Вообще в одежде синьцзянских киргизов до последнего времени весьма отчетливо выступали классовые различия, особенно отражавшиеся на материале, из которого шили одежду.

У какшаальских киргизов сохраняются старинные виды пищи, характерные для хозяйства кочевников. Хлеб играет крайне незначительную роль в питании населения; его употребляют в виде кусочков теста, жаренных в масле («боорсок»), или лепешек, которые пекут в котлах. Чай пьют большей частью со сливками («каймак») и с маслом, без сладкого. Излюбленным кушаньем является мелко накрошенное вареное мясо; к нему прибавляют иногда вареный рис. После него подают обычно бульон; по желанию отдельных гостей в бульон добавляют немного айрана или смешивают его с холодной водой, как это принято в Тянь-Шаньской области Киргизской ССР.

Готовят также и плов, но называют его «чачмак»; когда приезжают гости, то после плова все равно подается вареное мясо. Из легких овцы, внутрь которых наливается молоко с маслом, приготовляют кушанье «олобо», из печени делают колбасу «быджы».

Во время заготовки мяса на зиму впрок, из сала с лошадиных ребер делают колбасу «чучук».

В летнее время основной пищей служат молочные продукты в различном виде и похлебка («джарма»), приготовленная из ячменного толокна и заправленная сухим сыром, размолотым на ручной мельнице. В пищу употребляют молоко ячье, овечье и коровье. Из ячьего и овечьего молока приготовляют особый вид сыра желтого цвета («эджигей») и острый сухой сыр («курут») в виде шариков, заготовляемых на зиму. Основным напитком с весны до осени является кумыс.

Весной, когда начинают доить кобылиц, первые три дня кумыс собирают, а на четвертый день приглашают весь аул его пить; другого угощения при этом не устраивается. В расположении членов семьи во время еды и при приеме гостей сохраняются старинные обычаи. Женщины сидят почти всегда около хозяйственной загородки («ашкана») или возле очага; при приеме гостей хозяйка тоже сидит подле ашканы и угощение подает хозяину, который сам уже передает его гостям.

Мужчины с женщинами вместе в гости не ходят, и когда женщины приходят к хозяйке, то муж ее уходит в другую юрту. Во время религиозного мусульманского праздника «курман-айт» мужчины и женщины ходят отдельными группами, причем мужчины идут в одну сторону аула, а женщины в другую.

Посуда для изготовления и хранения продуктов, а также для еды употребляется почти исключительно кожаная и деревянная — прочная и удобная в условиях частых переездов. Деревянная посуда состоит из чашек («аяк») различных размеров, блюд («табак»), большого половника («сузгу»), ложек старинной формы и кадки («чапчак») для похлебки, приготовляемой из ячменной муки крупного помола. Обязательной принадлежностью каждого хозяйства являются ступа («соку»), выдолбленная из целого куска дерева, и ручная мельница («джаргылчак»). Посуду изготовляют главным образом узбеки и уйгуры, которые живут в Кашгаре и Уч-Турфане и привозят ее оттуда в киргизские аулы. В некоторых аулах есть свои мастера киргизы, которые вытачивают посуду на примитивных токарных станках («кырма»). Для еды, кроме деревянных чашек, употребляют фаянсовые пиалы («чыны» и «чонг-чыны»). Эмалированная посуда встречается только в очень богатых семьях, так же, как и самовар. Чай кипятят в специальных кувшинах («кашкар-чайнек» или «чайдос»).

Для хранения фаянсовых чашек в юртах или перевозки их на пастбище употребляются специальные футляры с круглым дном («чыныкап»), изготовляемые из прутьев. В некоторых домах имеются металлические раскрашенные подносы, что, по-видимому, заимствовано у уйгуров. Кожаную посуду чаще всего изготовляют сами хозяйки. Столов киргизы не употребляют совсем, и пища подается прямо на скатерть, разостланную на войлоке.

На пище киргизов Синьцзяна сказывается и имущественное положение той или иной семьи. У киргизов южной группы также отмечаются различия, обусловленные направлением хозяйственной деятельности. В семьях, занимающихся преимущественно скотоводством, преобладает молочная пища; в семьях, где значительную роль играет земледелие, начинает преобладать пища из мучных продуктов и смешанная. Наиболее употребительным молочным продуктом является разбавленное водой кислое молоко («айран»), получаемое после заквашивания кипяченого молока, с которого затем сняты сливки («каймак»). Сливки вымачивают в холодной воде и кипятят. Таким образом получают топленое масло («сары-май»). Из створоженного молока изготовляют сыр «курут». Особенно ценится молоко яка, обладающее высокими вкусовыми качествами.

Всюду, где киргизы занимаются коневодством, широко практикуется изготовление кумыса. Исключение составляют некоторые высокогорные местности, где кобылы жеребятся редко, например Сарыкол.

Лепешки небольших размеров из пресного теста пекут в котле, причем их часто прилепляют к раскаленному котлу, который затем снимают с треноги и ставят в полуопрокинутом положении (один край котла опирается на треногу); под него подгребают угли. Часто делают слоеные лепешки («каттама»). Несколько слоев тонко раскатанного теста, намазанных маслом, накладывают один на другой и разрезают на тонкие полосы; каждую такую полосу теста скатывают в рулончик, затем расплющивают рукой и раскатывают каталкой, делая лепешку диаметром до 25 см. Пекут такую лепешку либо в котле, либо на сковородке, покрываемой сверху другой сковородкой; сначала сковородку с лепешкой ставят над огнем, а затем на верхнюю сковородку кладут горячие угли и жгут на ней сучья. Лакомством считаются тонко раскатанные, крупного размера лепешки («джупка»), которые пекут в котле в сливочном масле.

Среди бедноты была широко распространена похлебка («умач-аш») из ячменной, реже пшеничной муки. Разведенную водой муку кладут в кипяток и дают прокипеть. Когда похлебка остынет, в нее добавляют кислое молоко и тогда уже едят. Иногда в похлебку добавляют несколько кусочков мяса. Варят также суп с лапшой, в который добавляют немного молока («кескен суюк аш»), суп из ломтиков теста с небольшим количеством лука, с кусочками мяса («джайываш»); в некоторых местах (например, в Бӧрю-токой) делают пельмени («чӧчпара»).

Из мясных блюд, доступных в прошлом преимущественно богатым и зажиточным скотоводам, следует отметить наполненное молоком с маслом вареное легкое овцы («сют ӧпкӧ») и род вареной колбасы («быджы»), изготовляемой из овечьих кишок, начиненных кусочками печени, почек, сердца, мяса и сала, а также рисом, заменяемым иногда мукой. Эти блюда приготовляются и во время больших праздников или семейных торжеств. При приеме гостей существует определенный порядок угощения вареным мясом. После угощения бульоном, который пьют с лепешками и жареным в масле печеньем («боорсок»), и традиционными ломтиками печенки и курдючного сала, подают ребра, а затем одновременно голову и крупные кости и куски мяса. Нередко вареное мясо едят в мелко накрошенном виде («тууграган гӧш» или «нарын»), но едят его без лапши, добавляя лишь лук.

Широко распространено употребление соленого чая. Хмельной хлебный напиток («бозо») южные группы киргизов не употребляют, его варят только киргизы Текеса, Какшаала, Уч-Турфана и Аксу.

Посуду употребляют деревянную, кожаную, фарфоровую и металлическую, в том числе заимствованный от оседлого населения чугунный котелок на трех ножках («дангкан»); в небольших котелках варят и подогревают мясной суп («шорпо»), более крупные используются для приготовления плова.

Средствами передвижения у горных киргизов служат лошади, быки, верблюды, яки («топоз»), реже ослы. Этих же животных используют для перевозки грузов вьюком. В высокогорных условиях для этой цели незаменимы яки, обладающие огромной силой и выносливостью (рис. 11). Ездовые седла употребляются двух типов: со старокиргизским типом ленчика — с широкой полукруглой передней лукой и самаркандский тип («самарканнын эгери»), у которого ленчик с широким сиденьем и передней лукой, заканчивающейся головкой («куш пашы»). Готовые ленчики

Рис. 11. Перевозка грузов на яках (юг Синьцзяна)

киргизы сами обтягивают верблюжьей кожей, головку обтягивают кожей яка (рис. 12, 13).

У какшаальских киргизов, по записи Е. И. Маховой, приучают детей с 5—6-летнего возраста ездить верхом самостоятельно на украшенных резьбой детских седлах («айырмач») того же типа, какой был распространен и в северной Киргизии.

СЕМЬЯ И БРАК

В охарактеризованных выше условиях низкого уровня техники хозяйства и недавней отсталости киргизской экономики и общественных отношений в целом, в области семейно-брачных отношений сохраняется много архаических и консервативных явлений. Родственные отношения до сих пор играют в жизни синьцзянских киргизов очень большую роль. Только богатые семьи имели раньше возможность, в силу их экономической независимости, до известной степени пренебрегать родственными связями. Для остальных же родственный коллектив являлся той опорой, без которой очень трудно было выдерживать борьбу со всеми превратностями, свойственными социальной и экономической жизни того времени. Наиболее тесные связи обнаруживаются в группах родственных семей, объединенных происхождением от одного предка по мужской линии (в третьем-четвертом колене), носящих название «бир атанын балдары» («дети одного отца»). Между семьями такой группы существуют хозяйственные (хотя каждая семья ведет собственное хозяйство), а также брачные связи.

Среди браков между родственниками для южной, а отчасти и для северной групп характерны браки с родственниками по мужской линии (с дочерью брата отца. с дочерью сына брата отца и др.), чего не наблюдается среди многих других групп киргизов. Из этого можно сделать тот

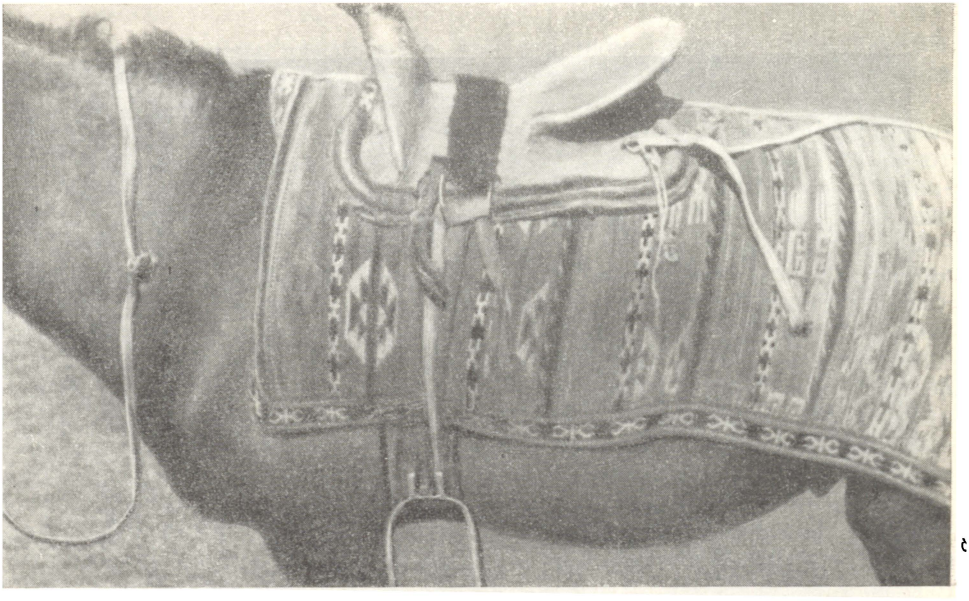

Рис. 12. Тип седла и попоны, распространенных в южной части Синьцзяна

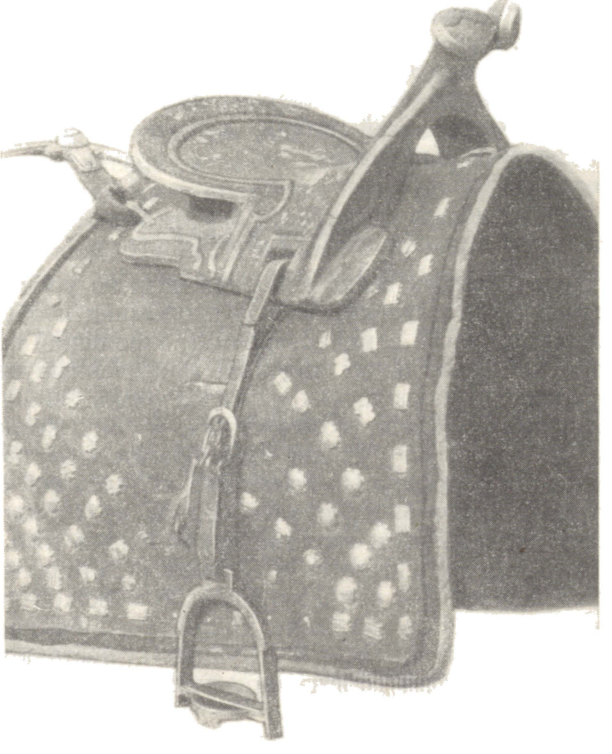

Рис. 13. Тип седла, распространенного в северной части Синьцзяна (группа Черик)

вывод, что система брачных отношений успела претерпеть у значительной части синьцзянских киргизов крупные изменения в сторону отмирания под влиянием норм шариата господствовавших ранее брачных запретов. Данные по южной части Синьцзяна показывают, что до 50—60% браков заключается теперь внутри той или иной «родовой» группы. Но в то же время обнаруживаются и реликты более древних форм брачных отношений. Известный процент браков (до 10—12%) падает на браки с женщинами, взятыми из «рода» матери; в некоторых мелких группах он еще выше (до 20—25%). Имеет место и выдача замуж девушек в «род» матери. В некоторых группах наблюдается предпочтительное заключение браков с представителями определенных «родов». К старой традиции восходят также кузенные браки (с дочерью брата матери и, значительно реже, с дочерью сестры отца), при заключении которых уплачивается минимальный калым. Вообще же калым являлся еще недавно обязательным условием заключения брака. В состав калыма у баев входили скот, скаковая лошадь, слитки серебра («джамбы») [35]. Для бедных семей этот обычай был очень обременителен и процент неженатых мужчин в них был весьма значителен.

Среди киргизов Синьцзяна существовали три основные формы заключения брака: 1) сговор родителей о будущем браке еще не родившихся детей («белкуда»), 2) сговор о браке детей, еще находящихся в колыбели или малолетних («бешик-куда»), и 3) брак между лицами, достигшими совершеннолетия. В настоящее время, после издания в КНР закона о браке, преобладает третья из указанных форм. В старину брачный возраст девушки был 18—20 лет, а для молодого человека 20—25 лет. В богатых семьях нередки были случаи женитьбы подростков на девушках 17—18 лет. В 30—40-х годах (до издания в КНР закона о браке) было принято выдавать девушек замуж и в 13—14 лет, а юношей, если у них родители богатые, женить в 12—15 лет; в бедных семьях брачный возраст юноши был значительно выше. Решение вопроса о браке принадлежало родителям, точнее отцам юноши и девушки; согласия последних на брак (особенно девушки) не спрашивали. Довольно строго соблюдался прежде обычай левирата, по которому на вдове женится ближайший младший родственник покойного мужа.

Сейчас у киргизов, как и других народов свободного Китая, брак все более приобретает характер добровольного союза юноши и девушки. Однако национальные формы брачной обрядности сохранились в значительной мере до настоящего времени.

Свадебный ритуал у южной группы синьцзянских киргизов включал в себя сватовство и помолвку, начальный пир («башкы той»), установление размеров калыма и его выплату, свадебный пир в доме родителей невесты и переезд новобрачных в дом отца молодого. Однако в различных слоях киргизского общества свадебный обряд раньше был далеко не одинаков. Из некоторых своеобразных черт обряда можно указать следующие: добрачные свидания жениха и невесты имели место не во всех случаях; накануне поездки на свадебный пир отец жениха устраивал специальное угощение («чачыла-той»), на которое приглашались те лица, которые должны были оказать материальную помощь в уплате калыма и в других свадебных расходах; во время свадебного пира отец жениха был обязан делать подарки братьям матери невесты.

---

[35] От названия китайской денежной единицы весового серебра — «юаньбао» (в местной огласовке «ямбоо» — «джамбоо»). Этим разъяснением, как и некоторыми другими, мы обязаны Г. Г. Стратановичу, за что выражаем ему нашу признательность.

В прежнее время молодой зять оставался жить у родителей своей жены до тех пор, пока у нее не рождался ребенок, после чего он увозил ее к себе. Теперь он живет после свадьбы в ауле отца жены пять-шесть дней, а затем уезжает к себе домой, но через некоторое время возвращается, живет у жены 15—20 дней и снова уезжает к своим родителям. Эти приезды к жене продолжаются в течение пяти-шести и более месяцев [36]. Когда жена забеременеет, муж обязан увезти ее. В последнее время срок пребывания молодой в доме ее родителей после свадьбы все более сокращается. Нельзя не видеть в этих обычаях пережитков матрилокального брака.

Положение женщины в киргизской семье, несмотря на сохранение сильных патриархальных традиций, все же нельзя было и раньше назвать совершенно бесправным, хотя на ней лежали все домашние работы и частично уход за скотом. Она не только воспитывала детей и варила пищу, но и пряла, ткала, вила арканы, обрабатывала шкуры, разбирала и устанавливала юрту, доила коров, овец и коз и т. д. В обязанности мужчин входили выпас стад, сельскохозяйственные работы, поездки за покупками и др. Но киргизские женщины пользовались известной свободой и самостоятельностью в домашнем хозяйстве, наравне с мужчинами решая многие семейные дела. Они участвовали в семейных праздниках и общественных собраниях, хотя и группировались отдельно от мужчин. Киргизские женщины очень общительны. В свободное время родственницы, подруги, соседки постоянно посещают друг друга. Однако главенство в семье принадлежало мужчине; женщина должна была подчиняться воле отца в выборе супруга, по выходе замуж в течение года и более избегать своего свекра и в других формах ощущать свое зависимое положение.

Бездетные семьи очень редки. Однако в результате неблагоприятных экономических условий и отсутствия медицинской помощи детская смертность еще недавно была очень велика.

ПРАЗДНИКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Обязательными праздниками в прошлом являлись религиозные мусульманские праздники: по случаю окончания месячного поста («орозо-айт») и по случаю жертвоприношения («курман-айт»). Кроме того, большой популярностью пользовалось празднование встречи нового года, приходящееся на начало весны. Оно происходило обычно в марте (по киргизскому летоисчислению этот месяц называют «джалган куран»). Все, кто мог, в этот день резали скот, остальные пекли хлеб, но все обязательно приготовляли ритуальное блюдо («кӧчӧ») из ячменя или пшеницы. Для этого зерна сначала толкли в ступе, отделяя их от шелухи, потом поджаривали в котле и, наконец, разваривали в воде, доводя до густоты каши («ботко»). В нее клали растертый в воде «курут». Более состоятельные варили кашу с мясом. В течение дня все жители аула ходили друг к другу на угощение. Угощение называли «нооруз».

Вечером разжигали два костра. Дети, молодежь и некоторые старики прыгали через костры, а женщины, подходя к кострам, вытряхивали полы платья, говоря «алас, алас, ӓрбӓлӓкӓттӓн калас» («алас, алас, от беды избавление»), «джангы джыл келди, эски джыл кетти» («новый год наступил, старый год ушел»).

[36] Подобный обычай отмечен в работе Скрайна (указ. соч., стр. 101—102). Здесь же описываются некоторые другие свадебные обычаи.

К числу общественных развлечений следует отнести поочередные зимние угощения («шерне») [37], устраиваемые компаниями преимущественно молодых мужчин, во время которых происходят беседы, рассказывают сказки, поют и т. д. После того как наговорятся и развлечения закончатся, угощаются мясом. Угощение заканчивается далеко за полночь. Гостям готовят постель, и они все тут же ложатся спать. На утро разъезжаются, а к вечеру снова собираются у очередного участника шерне.

Осенью, до ухода на зимние стоянки, на пастбищах молодежь нескольких аулов объединяется для устройства игр («оюн»). Игры устраиваются поочередно, то в одном, то в другом ауле. Играют чаще всего в «жгут» («тоотмек»). Берущий жгут (из платка) должен спеть песню, а потом отдать его своей избраннице (или избраннику). Та (или тот) должна встать, а затем молодой человек и девушка становятся друг к другу спиной и, оборачиваясь, здороваются. Лунной ночью играют на улице в «ака чөөл». Игра заключается в отыскивании заброшенной одним из играющих небольшой белой палочки и доставке ее в условленное место («чөк»).

К числу развлечений относятся также скачки с козлом («улак»).

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

У киргизов Синьцзяна, как и у других киргизов, широко распространены различные виды народного творчества. Среди произведений устного творчества встречаются былины, сказки, песни, пословицы и т. д. Но южной группе киргизов из эпического жанра известны только сказки и некоторые виды так называемого «малого эпоса», например поэма об охотнике Коджоджаше; среди них почти не исполняются такие произведения больших форм, как «Манас» и «Семетей», которые, наоборот, пользуются большой популярностью среди чонг-багышей, чериков и других групп северных киргизов.

Богатое песенное творчество связано с музыкой, пользующейся большой любовью населения. Почти в каждой юрте можно встретить трехструнный щипковый инструмент («комуз»), который в Кашгарском округе немного короче, чем северокиргизский, и имеет несколько откинутую назад головку грифа. Женщины пользуются варганом («ооз комуз»), иногда сопровождая игру на нем своеобразным аккомпанементом, производимым с помощью игрушечного козлика («так-теке»). Козлика изготовляют из дерева, обтягивают красным бархатом, делают ему глаза из кораллов, прикрепляют рожки, по форме подобные рогам горного козла. Насадив его на палочку, продевают последнюю через отверстие в круглой деревянной подставке. Снизу к палочке привязана нитка, которую за другой конец держит играющая на варгане женщина или девушка. Ножки у козла подвешены свободно, и когда нитку дергают, он подпрыгивает, ударяя ногами по подставке и делая ими забавные движения. Кроме указанных музыкальных инструментов употребляется еще флейта («чоор»), изготовляемая из плечевой кости птицы (сипа или орла).

Выше уже отмечалась большая роль, которую играют различные украшения как в убранстве юрты, так и в отделке одежды. Главная заслуга в развитии прикладного изобразительного искусства принадлежит и здесь женщине. Особенно большого искусства достигла она в изготовлении шерстяных ворсовых ковров («килем»), войлочных ковров,

---

[37] У киргизов северных областей Киргизской ССР зимние угощения известны под названием «джоро-бозо», а летние под названием «шерне».

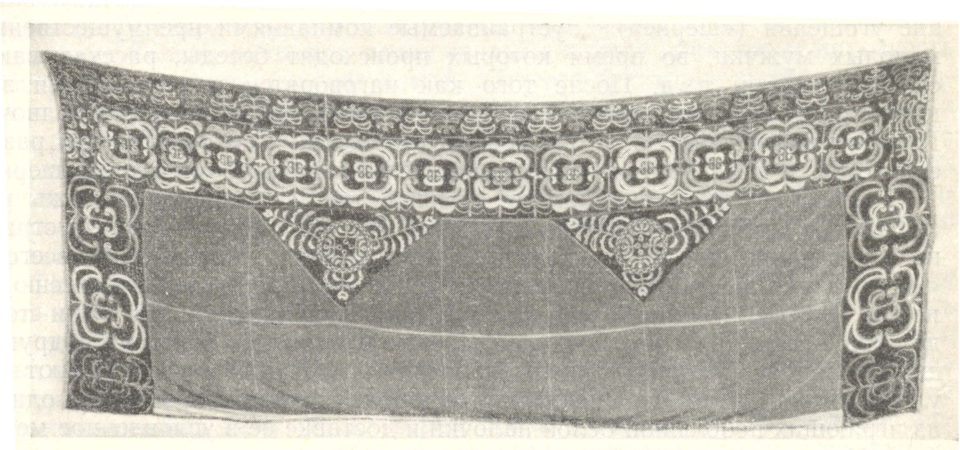

Рис. 14. Украшение, подвешиваемое в юрте («туштук») у киргизов северной части Синьцзяна (группа Черик). Вышивка

различных видов орнаментированной ткани и в вышивке (рис. 14). Киргизские ковры, изготовляемые главным образом в Кашгарском округе, в недалеком прошлом пользовались заслуженной славой, их охотно покупали на рынках Кашгара и Яркенда. Кроме названных выше ковровых изделий («чавадан» и «аяк-койчу»), изготовляются и другие, например переметные сумы, покрышки для ленчика («эгер көпчүк»), а также и ковры более крупных размеров, до 3 м длины и 1,5 м ширины. Преобладают в расцветке ковров красный и синий цвета. В орнаменте встречаются некоторые мотивы китайского происхождения.

Узорные войлочные ковры и узорное плетение отличаются у какшаальских киргизов своеобразием в сочетании красок и композиции [38].

Узорные ковры изготовляют двух видов: двухцветный (чаще красный с синим), с крупным сплошным узором, который делится в середине на две части, одна из которых является фоном для другой по принципу негатива и позитива (этот вид имеет распространение по всей Киргизии), и более оригинальный, типичный для Какшаала; он отличается многоцветностью, необычайной чистотой и яркостью цвета и особенностью композиции. Центральная часть такого ковра состоит из 16 мелких квадратов, причем в каждом из них сочетается два цвета (оранжевый с синим, красный с синим, красный с белым), и двойной каймы. Между узорами внутри квадрата вшивается шерстяной шнур («джээк») иного цвета, что придает рисунку рельефность. Другой вариант этого же типа: сшиваются 10 квадратов, поставленных на ребро, причем между ними вшиваются треугольники. По краю располагаются три каймы: сначала идут узкие белые с красным зигзаги, затем более широкая кайма (с узором) и снова зигзаги (рис. 15).

Какшаальские узорные циновки по композиции и расцветке также можно свести к двум видам. Наиболее распространенный — это узор, как и в ковре, состоящий из 16 и менее квадратов, внутри которых располагаются узоры другого цвета (рис. 16). Часто встречается следующее сочетание цветов: красный с желтым, коричневый с белым или красным, белый с синим. Кайма в такой циновке делается только по

[38] Декоративное искусство какшаальских киргизов описано Е. И. Маховой.

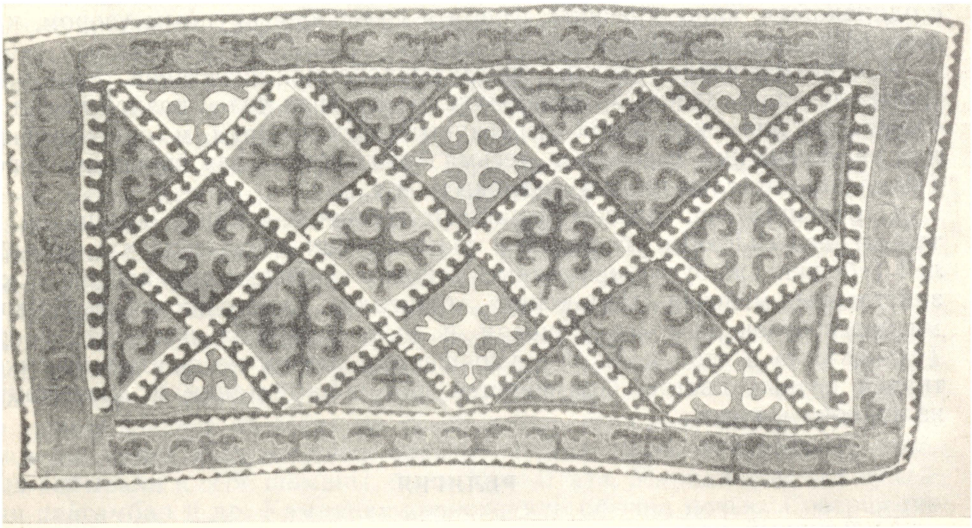

Рис. 15. Войлочный ковер («ободо») у киргизов северной части Синьцзяна (группа Черик)

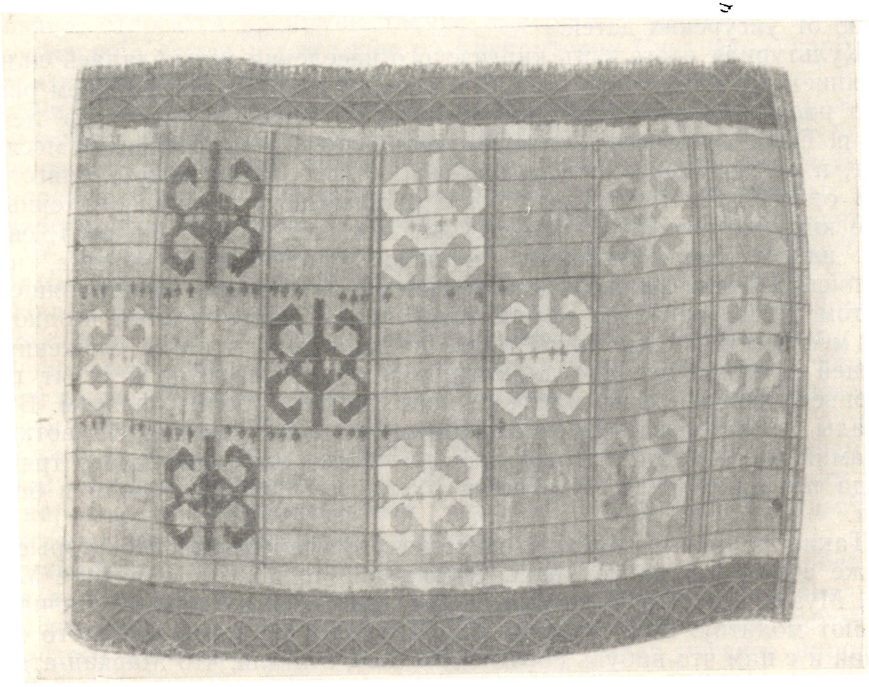

Рис. 16. Циновка из чия («ашкана») у киргизов северной части Синьцзяна (группа Черик)

одной стороне — оранжевая с красным. Встречаются также циновки с одинаковым, чаще красным, фоном и сплошным крупным узором, как и по всей северной Киргизии.

У киргизов южной группы орнаментированная шерстяная ткань употребляется на паласы; она изготовляется и в виде полос разной ширины, служащих для скрепления деревянных частей юрты и одновременно для ее украшения (например, тесьма «каджары»), для сшивания попон («шалча»), отделки платья («ыракы») и т. д.

С большим мастерством украшают женщины-южанки вышивкой не только свои головные уборы, но и пазухи рубах, покрывала для колыбелей («бешик джабуу»), подвесные мешки и мешочки для посуды и хозяйственных мелочей («аяк-койчу», «баштык»), наволочки и т. д. Во время перекочевок на голову лошади и шею верблюда надевают уборы («ат-джалы» и «төө мойнок»), украшенные узором из сшитых кусочков тканей разных цветов. Применяется для орнаментации и аппликация из войлока и кожи.

РЕЛИГИЯ

Культурный уровень подавляющей массы киргизского населения до последнего времени был очень низок. Процент грамотных, встречавшихся преимущественно среди обеспеченных слоев общества, был ничтожен. В немногочисленных школах преподавателями зачастую являлись не киргизы, а уйгуры, и преподавание в некоторых из них велось на уйгурском языке. В отдельных кентах у оседлых киргизов дети все же учились особо от уйгурских детей.

Культурная отсталость киргизского населения усугублялась сильным влиянием мусульманской религии и широким распространением различного рода суеверий, почитания святынь, шаманских способов лечения и т. п. Такие общемусульманские установления, как, например, месячный пост, и сейчас соблюдаются довольно строго. Но наряду с благоговейным отношением к мусульманским религиозным памятникам, синьцзянские киргизы почитают и священные для них места («мазар»), связанные или с домусульманским культом какого-нибудь предка, или с приписываемыми им сверхъестественными свойствами. Таким священным местом считается мазар «Бөрю-токой ата», расположенный в одноименной местности, на невысокой горе. Он представляет собой сложенную из камней круглую ограду (диаметром 3 м), возле которой стоят шесты с привешенными к ним хвостами яков и шест с белым флагом. Внутри ограды лежат рога и черепа архаров и горных козлов. На воткнутых в камни маленьких палочках проезжающими навешено много тряпочек. Сюда приезжали для «исцеления» больные; пригоняли сюда и больной скот.

Такие же мазары имеются во многих других местах. Некоторые горы также считаются священными, например Маркан-ата (в районе Улугчата), Музтаг-ата. Проезжающие мимо такой горы слезают с лошадей и читают молитву. Если проезжающий человек не выполнил этого требования и с ним что-нибудь потом случилось, считали, что Маркан-ата (или Музтаг-ата) наказал его за непочтение.

Бесплодные женщины из самых дальних мест еще недавно отправлялись на поклонение к мазару Аппак-ходжи. Шли туда пешком, надевали на себя самое плохое платье (из маты). На взятые с собой деньги покупали в Кашгаре овцу, резали ее и в таком виде отдавали как религиозное подношение одному из шейхов. Каждая женщина прово-

дила на мазаре несколько дней. Нужно было всунуть руку в имеющееся в стене гробницы снаружи углубление. Что бы ни нашла там женщина (муху, червяка, волос, траву, тряпочку), она должна была найденное проглотить — это считалось лучшим средством лечения от бесплодия.

У киргизов Кашгарского округа в недалеком прошлом существовали шаманы («бакшы»), занимавшиеся лечением больных путем изгнания из их тела злых духов — джинов. Среди шаманов встречались как женщины, так и мужчины. Шаманки употребляли во время сеанса лечения бубен («дап»), несколько меньшего размера, чем у уйгурских шаманов («пäрихон»). По краям бубна было привешено много металлических колечек. Во время камлания шаманка била в бубен.

Шаманы пользовались во время сеанса только плетью и ножом. Они били плетью себя, больного и некоторых из присутствовавших, становились голыми ногами на горячие угли и на раскаленный камень, кололи ножом себя и больного. Если джины «не выходили», шаманы иногда по аркану влезали на «тӯндӯк» (верх юрты), вылезали из юрты, а потом этим же путем возвращались обратно. Среди духов-помощников, которых вызывали к себе шаманы, были Музтаг-ата, Маркан-ата, Так-сулайман пайгамбар и др. Камлание происходило обычно ночью. Совершенно очевидно, что киргизское шаманство в Синьцзяне находилось под существенным влиянием уйгурского шаманства.

НОВАЯ ЖИЗНЬ КИРГИЗОВ СИНЬЦЗЯНА

Все то, о чем говорилось ранее по поводу киргизского населения Синьцзяна, относится преимущественно к периоду, предшествовавшему установлению в Китае, в том числе и на территории Синьцзяна, народно-демократической власти.

Начиная с 1949 г. весь социально-экономический уклад, условия жизни и быта синьцзянских киргизов постепенно подвергаются глубоким изменениям. В Народном Китае киргизы получили полное политическое равноправие, они уже перестали быть одной из забытых и забитых мелких народностей. Их права и интересы оберегаются и обеспечиваются теми же высокими принципами, которые были провозглашены в общей программе Народного политического консультативного Совета Китайской Народной Республики в отношении всех национальных меньшинств. Вместе с братскими китайским, уйгурским, казахским, дунганским и другими народами Синьцзяна киргизы приступили к строительству новой, светлой жизни. Маяком, освещающим для них путь к социалистическому будущему, служит могучий Советский Союз, а практический опыт в строительстве новых форм жизни киргизы Синьцзяна вместе со всем китайским народом приобретают в тесном союзе и дружбе с великим русским народом, с народами соседних советских республик — Киргизстана, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана.

Реакционная политика гоминьдановского правительства, проявлявшаяся в жестокой эксплуатации и гнете, в разжигании национальной розни, способствовала глубокой экономической и культурной отсталости киргизского населения. Одной из важнейших задач органов народной власти в населенных киргизами уездах Синьцзяна явилась помощь в развитии основной отрасли киргизского хозяйства — животноводства. Животноводы-киргизы получают эффективную помощь в борьбе с эпизоотиями. Ежегодно к ним направляются ветеринарные отряды для производства противоэпидемических прививок. Они получают правительственные ссуды для обзаведения скотом.

Народное правительство проводит ряд мер, ускоряющих постепенный переход от кочевого скотоводства к отгонному. В связи с этим и киргизское население переходит от кочевого образа жизни к оседлому. Уездные народные правительства созывают совещания животноводов, на которых обобщается передовой опыт выращивания скота и ухода за ним. Вводится в практику строительство зимних скотных дворов, обеспечение скота на зиму кормами.

Важное место в развитии высокопродуктивного животноводства принадлежит государственным животноводческим хозяйствам, создаваемым с помощью Советского Союза. В результате проводимых мероприятий за последние годы отмечается резкое увеличение поголовья скота. Так, в уезде Улугчат за 9 лет после освобождения поголовье скота увеличилось более чем в три раза и достигло почти 100 тыс. голов [39]. Благодаря наличию обширных богатых пастбищ киргизское животноводство имеет большие перспективы для своего развития.

Для киргизского населения, занимающегося земледелием, огромным событием явилось проведение аграрной реформы, закончившейся в 1953 г. Трудящиеся земледельцы, освобожденные от кабальной зависимости, в которой они находились у баев-полуфеодалов, с энтузиазмом обрабатывают полученную ими землю, повышают урожайность возделываемых культур. В 1958 г. большинство киргизов — земледельцев и скотоводов вступило в созданные здесь народные коммуны [40].

Большую роль в подъеме благосостояния трудящегося киргизского населения Синьцзяна играет развернутая там сеть государственной торговли, осуществляемой как магазинами в крупных населенных пунктах, так и передвижными палатками государственной торговой компании. Они снабжают киргизов необходимыми промышленными товарами и продуктами питания, в том числе и такими, какие раньше были мало доступны многим из них (мука, сахар, чай, хлопчатобумажные ткани и др.), и по справедливой цене закупают у них продукты животноводства.

В населенных киргизами уездах создаются промышленные предприятия. В уезде Улугчат развивается горная промышленность, связанная с разработкой полезных ископаемых. На построенных здесь с помощью Советского Союза рудниках и заводах трудится много рабочих — киргизов. Впервые в истории киргизов Китая формируется рабочий класс [41].

Повсеместно растут доходы трудящихся киргизов, быстро повышается их жизненный уровень, культура, образование.

Весьма большое внимание уделяется народному здравоохранению в районах, населенных национальными меньшинствами, в том числе и киргизами. Здесь открыто уже много больниц, амбулаторий и уездных медицинских пунктов. Кроме того, работают передвижные медицинские отряды. Киргизы Синьцзяна впервые получили возможность пользоваться современной медицинской помощью. Организовано бесплатное медицинское обслуживание бедноты. Достигнуты уже значительные результаты в борьбе против детской смертности, прежде являвшейся бичом киргизских семей, выросла рождаемость.

Уходит в прошлое культурная отсталость киргизов. Открыты десятки начальных школ, в которых киргизские дети обучаются на родном языке. Имеется уже несколько киргизских школ средней ступени. Только в автономном округе Кызыл-суу в 1958 г. насчитывалось около 400 учащих-

[39] Ши Сы-вэй. В горах Памира. Журнал «Дружба», 1959, № 18, стр. 29.
[40] Там же.
[41] Там же, стр. 29—30.

ся в этих школ. [42]. Учащиеся воспитываются в духе патриотизма и интернационализма. Представители киргизской молодежи обучаются также в различных учебных заведениях (институтах национальных меньшинств, техникумах и т. д.) гг. Пекина, Тяньцзина, Ланьчжоу, Урумчи.

Развитие просвещения находится в тесной связи с созданием письменности у киргизов. В настоящее время на киргизском языке издаются учебники, политическая, художественная и научная литература, выходит окружная газета «Қызыл-суу». Временно используется арабский алфавит, который будет в дальнейшем заменен латинизированным. Существует уже научный центр в виде Комитета по изучению киргизского языка и письменности.

В киргизском автономном округе имеются четыре дома культуры, в каждом уезде работает клуб. Пять кинопередвижек обслуживают как земледельцев, так и животноводов, к которым они выезжают на пастбища. В 1957 г. был создан литературно-художественный ансамбль, завоевавший на первом фестивале литературы и искусства Синьцзянского уйгурского автономного района 2-й приз. Получили широкое распространение устное народное творчество и художественная самодеятельность. В новых песнях, создаваемых киргизами Синьцзяна, воспевается Коммунистическая партия Китая, председатель Мао Цзэ-дун и счастливая жизнь строящего социализм киргизского народа.

До освобождения Синьцзяна киргизы были лишены права участвовать в управлении государством. В 1954 г. в высший орган власти Синьцзяна — собрание народных представителей — было избрано девять представителей от киргизского населения [43], а один представитель от киргизов избран в состав Всекитайского собрания народных представителей.

В целях создания условий для всестороннего политического, экономического и культурного развития киргизов, проживающих в Синьцзянском уйгурском автономном районе, в июле 1954 г. здесь было образовано несколько автономных административных единиц: киргизский автономный округ Қызыл-суу, состоящий из уездов Ак-чий (Ахэци), Улугчат (У-хэ), Артуш (Атуаньши) и Ак-тоо; в него вошли также населенные киргизами части уездов Уч-турфан (Уши), Янги-гиссар (Иньцзиши), Таш-курган (Пули) и Кашгар (Шуфу); национальный киргизский район Көк-терек в уезде Қызыл-курэ (Текес) в составе Илийского (казахского) автономного округа и национальная киргизская волость в уезде Монгол-Курэ (Чжаосу) [44].

---

[42] Сведения о культурном строительстве среди киргизов получены при содействии Г. Г. Стратановича от тт. Ху Джэн-хуа и Абдыкадыра (Пекин); см. также статью Ху Джэн-хуа «Счастливая жизнь киргизов Синьцзяна» в журнале «Китайские мусульмане» (на кит. языке; перевод любезно сделал Р. Ф. Итс), 1958, № 3, стр. 27—28.

[43] И. Б. Шевель. Национальное строительство в Синьцзянском уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. «Советская этнография», 1956, № 2, стр. 98.

[44] Там же, стр. 100; Ху Джэн-хуа. Указ. статья.